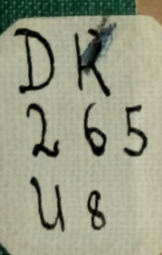

Ustrialov, Nikolai Vasil'evich
Въ борьбѣ за Россію.

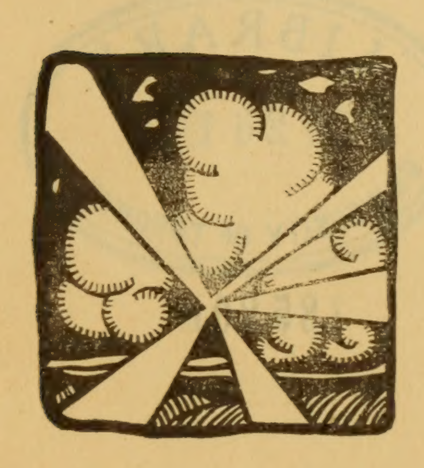
Title transliterated:
V bor'bie za Rossiiu

Н. Устряловъ.

Въ борьбѣ за Россію.

(сборникъ статей)

Издательство „ОКНО“

Харбинъ, 1920 г.

Посвящается генералу А. А. Брусилову, мужественному и вѣрному служителю Великой Россіи въ годину ея славы и въ тяжкіе дни страданій и несчастья.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіемъ сборника своихъ статей, написанныхъ послѣ паденія Омскаго Правительства, которое я поддерживалъ, какъ могъ, до послѣдней минуты его существованія мнѣ хотѣлось бы поставить передъ русскими патріотами проблему ихъ дальнѣйшаго политическаго „самоопредѣленія" во всей ея остротѣ и глубинѣ.*

Явный крахъ стараго пути всемѣрной и, главнымъ образомъ, вооруженной борьбы съ большевизмомъ повелительно диктуетъ намъ какіе-то новые способы и формы служенія родинѣ. Послѣ крушенія власти адмирала Колчака и генерала Деникина русскіе націоналисты очутились какъ бы надъ нѣкимъ проваломъ, который необходимо заполнить. Предаваться иллюзіямъ, будто этого провала нѣтъ, будто ничего особеннаго не произошло, и не внутренно необходимая логика бѣлаго движенія, а случайныя "ошибки" его вождей погубили его дѣло, — предаваться подобнымъ „страусовымъ" иллюзіямъ мнѣ представлялось занятіемъ, несоотвѣтствующимъ серьезности момента. Начинать съ начала то, что трагически не удалось при несравненно лучшихъ условіяхъ и при неизмѣримо богатѣйшихъ данныхъ, — могутъ, въ лучшемъ случаѣ лишь политическіе Донъ-Кихоты. Слѣдовательно, нужно искать другой выходъ.

Печатаемыя статьи намѣчаютъ идеологію новаго пути, новой тактики національно-патріотическихъ элементовъ Россіи. Этотъ путь на нашихъ глазахъ становится уже могучимъ,

*) Въ политической жизни я принималъ участіе въ качествѣ предсѣдателя „восточнаго отдѣла центральнаго комитета" партіи народной свободы, редактора газеты "Русское Дѣло" и одного изъ руководителей Русскаго Бюро Печати.

жизненнымъ факторомъ (въ чемъ благотворную роль сыграло польское выступленіе), и естественно, что наиболѣе яркому и авторитетному его представителю, генералу Брусилову, должна быть посвящена попытка его теоретическаго обоснованія.

Каждая изъ собранныхъ въ эту брошюру статей вызывала при ея появленіи въ прессѣ оживленное обсужденіе. Вопросы и возраженія серьезные и добросовѣстные обыкновенно принимались мною во вниманіе и разъяснялись въ слѣдующей очередной статьѣ, чѣмъ объясняются также и нерѣдкія повторенія въ различныхъ статьяхъ однихъ и тѣхъ же мыслей. Мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что настоящій сборникъ достаточно ясно и полно выражаетъ исповѣдуемую мною точку зрѣнія на переживаемый кризисъ русскаго патріотическаго сознанія въ сферѣ его конкретно-политическаго воплощенія.

Не могу также не прибавить, что эта точка зрѣнія усвоена мною не въ спокойной атмосферѣ отвлеченныхъ размышленій, а въ непосредственномъ, живомъ опытѣ непрерывной политической борьбы за Великую Россію.

Статьи перепечатываются безъ измѣненій, если не считать нѣсколькихъ поправокъ и вставокъ редакціоннаго характера.

Н. УСТРЯЛОВЪ.

ПЕРЕЛОМЪ.

Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ послѣднихъ событіяхъ нашей гражданской войны. Нужно имѣть мужество посмотрѣть въ глаза правдѣ, какова бы она ни была.

Паденіемъ правительства адмирала Колчака законченъ эпилогъ омской трагедіи разсказана до конца грустная повѣсть о „восточной государственности", противопоставившей себя революціонному центру Россіи.

Много надеждъ связывали мы всѣ съ этимъ движеніемъ. Вѣрилось, что ему дѣйствительно суждено возсоздать страну, обезпечить ей здоровый правопорядокъ на основахъ національнаго демократизма. Казалось, что революція, доведшая государство до распада и полнаго безсилія, будетъ побѣждена вооруженной рукой самого народа, возставшаго во имя патріотизма, во имя великой и единой Россіи...

Мы помнимъ всѣ фазы, всѣ стадіи этой трагической междуусобной борьбы. Въ минуту итога и результата онѣ вспоминаются съ особою живостью, жгутъ память, волнуютъ душу.

Ростовъ, Екатеринодаръ, Ярославль, Самара, Симбирскъ, Казань, Архангельскъ, Псковъ, Одесса, Пермь, Омскъ, Иркутскъ, всѣ эти географическія опредѣленія словно наполняются своеобразнымъ историческимъ содержаніемъ, превращаются въ живые символы великой гражданской войны...

И вотъ финалъ. Пусть еще ведется, догорая борьба, но не будемъ малодушны, скажемъ открыто и прямо: — по существу ея исходъ уже предрѣшенъ. Мы побѣждены и побѣждены въ масштабѣ всероссійскомъ, а не мѣстномъ только. Паденіе западной и центральной Сибири на фонѣ крушенія западной арміи ген. Юденича, увяданіе сѣверной и неудача южной пріобрѣтаютъ смыслъ гораздо болѣе грозный и опредѣленный, чѣмъ это могло бы казаться съ перваго взгляда.

Разумѣется, было бы наивно думать, что паденіе иркутскаго правительства есть въ какой бы то ни было степени торжество эсэровъ. Нѣтъ, всѣ прекрасно знаютъ, что это — тор-

*) Интервью, помѣщенное въ „Вѣстникѣ Маньчжуріи" 1 февраля 1920 г. — черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ изъ Иркутска.

жество большевиковъ, побѣда русской революціи въ ея завершающемъ и крайнемъ выраженіи. Судьба Иркутска рѣшилась не на Ангарѣ и Ушаковкѣ, а на Тоболѣ и Ишимѣ, — тамъ же, гдѣ судьба Омска.

Правда, мы, политическіе дѣятели до самаго послѣдняго момента не хотѣвшіе примириться съ крушеніемъ дѣла, которое считали національнымъ русскимъ дѣломъ — правда, мы надѣялись, что и паденіемъ Омска еще не сказано послѣдняго слова въ пользу революціи.

Хотѣлось вѣрить, что удастся здѣсь, въ центральной и восточной Сибири, организовать плацдармъ, на которомъ могли бы вновь развернуться силы, способныя продолжать вмѣстѣ съ югомъ борьбу за національное возрожденіе и объединеніе Россіи.

И мы были готовы принять любую власть, лишь бы она удовлетворяла нашей основной идеѣ. Ибо не могло быть сомнѣнія, что Россіи возрожденной, Россіи объединенной не страшна никакая реакція, не опасно никакое иностранное засилье.

Однако, наши надежды обмануты. Иркутскія событія — не только крушеніе „омской комбинаціи", но и обнаруженіе роковой слабости „восточно-сибирскаго фактора": рѣшительная неудача семеновскихъ войскъ подъ Иркутскомъ, равно какъ и послѣднія событія на Дальнемъ Востокѣ — тому наглядное свидѣтельство.

Выясняется съ безпощадною несомнѣнностью, что путь вооруженной борьбы противъ революціи — безплодный, неудавшійся путь. Жизнь отвергла его, и теперь послѣ паденія Иркутска на востокѣ и Кіева, Харькова, Царицына и Ростова на югѣ это приходится признать. Тѣмъ обязательнѣе заявить это для меня, что я активно прошелъ его до конца со всею вѣрой, со всей убѣжденностью въ его спасительности для родной страны.

Напрасно говорятъ, что „омское правительство погибло вслѣдствіе реакціонности своей политики". Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Въ смыслѣ методовъ управленія большевики куда „реакціоннѣе" павшаго правительства. И вдобавокъ, пало это правительство именно въ тотъ моментъ, когда отказалось отъ своей „реакціонности" и было готово принять въ свое лоно чуть-ли не г. Колосова.

Нѣтъ, причины катастрофы лежатъ несравненно глубже. Повидимому, ихъ нужно искать въ двухъ плоскостяхъ. Во-первыхъ, событія убѣждаютъ, что Россія не изжила еще революціи, т. е. большевизма, и воистину въ побѣдахъ совѣтской власти,

есть что-то фатальное, будто такова воля исторіи. Во-вторыхъ, противобольшевистское движеніе силою вещей слишкомъ связало себя съ иностранными элементами и потому невольно окружило большевизмъ извѣстнымъ національнымъ ореоломъ, по существу чуждымъ его природѣ. Причудливая діалектика исторіи неожиданно выдвинула совѣтскую власть съ ея идеологіей интернаціонала на роль національнаго фактора современной русской жизни — въ то время какъ нашъ національмъ, оставаясь непоколебленнымъ въ принципѣ, попустѣлъ и поблекъ на практикѣ вслѣдствіе своихъ хроническихъ альянсовъ и компромиссовъ съ такъ называемыми „союзниками".

Какъ бы то ни было, вооруженная борьба противъ большевиковъ не удалась. Какъ это, быть можетъ, не парадоксально, но объединеніе Россіи идетъ подъ знакомъ большевизма, ставшаго имперіалистичнымъ и централистскимъ едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ самъ П. Н. Милюковъ.

Слѣдовательно, предъ непреклонными доводами жизни должна быть оставлена и идеологія вооруженной борьбы съ большевизмомъ. Отстаивать ее и въ настоящихъ условіяхъ было бы доктринерствомъ, непростительнымъ для реальнаго политика.

Разумѣется, все это отнюдь не означаетъ безусловнаго пріятія большевизма или полнаго примиренія съ нимъ. Должны лишь существенно измѣниться методы его преодолѣнія. Его не удалось побѣдить силою оружія въ гражданской борьбѣ — онъ будетъ эволюціонно изживать себя въ атмосферѣ гражданскаго мира (хотя бы относительнаго, ибо абсолютнаго мира при господствѣ большевиковъ ожидать все-таки трудно). Процессъ внутренняго органическаго перерожденія совѣтской власти, несомнѣнно, уже начинается, что бы ни говорили сами ея представители. И наша общая очередная задача — способствовать этому процессу. Первое и главное — собираніе, возстановленіе Россіи, какъ великаго и единаго государства. Все остальное приложится.

И если приходится съ грустью констатировать крушеніе политическихъ путей, по которымъ мы до сихъ поръ шли, то великое утѣшеніе наше въ томъ, что завѣтная наша цѣль — объединеніе, возрожденіе родины, ея мощь въ области международной — все-таки осуществляется и фатально осуществится.

Интервенція.*)

1.

Я положительно затрудняюсь понять, какимъ образомъ русскій патріотъ можетъ быть въ настоящее время сторонникомъ какой бы то ни было иностранной интервенціи въ русскія дѣла.

Вѣдь ясно, какъ Божій день, что Россія возрождается. Ясно, что худшіе дни миновали, что революція изъ силы разложенія и распада стихійно превращается въ творческую и зиждительную національную силу. Вопреки ожиданія, Россія справилась съ лихолѣтьемъ сама безъ всякой посторонней „помощи“ и даже вопреки ей. Уже всякій, кого не окончательно ослѣпили темные дни прошлаго, можетъ видѣть, что русскій престижъ за границею поднимается съ каждымъ днемъ. Пусть одновременно среди правящихъ круговъ Запада растетъ и ненависть къ той внѣшней формѣ національнаго русскаго возрожденія, которую избрала прихотливая исторія. Но право же, эта ненависть куда лучше того снисходительнаго презрѣнія, съ которымъ господа Клемансо и Ллойдъ-Джорджи относились въ прошломъ году къ парижскимъ делегатамъ нынѣ павшаго русскаго правительства...

Природа беретъ свое. Великій народъ остался великимъ и въ тяжкихъ превратностяхъ судьбы — „такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Пусть мы вѣрили въ иной путь національнаго возсозданія. Мы ошиблись — нашъ путь осужденъ, и горькой ироніей рока неожиданно для самихъ себя мы вдругъ превратились чуть ли не въ „эмигрантовъ реакціи“. Но теперь, когда конечная мечта наша возрожденіе родины все таки осуществляется станемъ-ли мы упрямо упорствовать въ защитѣ развалинъ нашихъ рухнувшихъ позицій?. Вѣдь теперь такое упорство было бы прямымъ вредомъ для общенаціональнаго дѣла, оно лишь искусственно задерживало бы процессъ объединенія страны и возстановленія ея силъ

Намъ естественно казалось, что національный флагъ и „Коль славенъ“ болѣе подобаютъ стилю возрожденной страны, нежели красное знамя и „Интернаціоналъ“. Но вышло иное

*) «Новости Жизни» 21 февраля 1920 г.

Надъ Зимнимъ Дворцомъ, вновь обрѣтшимъ гордый обликъ подлинно великодержавнаго величія дерзко развѣвается красное знамя, а надъ Спасскими Воротами попрежнему являющими собою глубочайшую исторически-національную святость, древніе куранты играютъ „Интернаціоналъ". Пусть это странно и больно для глаза, для уха, пусть это коробитъ, но въ концѣ концовъ, въ глубинѣ души невольно рождается вопросъ:

— Красное ли знамя безобразитъ собою Зимній Дворецъ, — или, напротивъ, Зимній Дворецъ краситъ собою красное знамя? „Интернаціоналъ" ли нечестивыми звуками оскверняетъ Спасскія Ворота, или Спасскія Ворота кремлевскимъ вѣяніемъ влагаютъ новый смыслъ въ „Интернаціоналъ"?.

2.

Всѣ державы отказались отъ активной борьбы съ русской революціей. Не потому конечно, чтобы русская революція нравилась правительствамъ всѣхъ державъ, а потому, что они сознали свое полное безсиліе ее сокрушить. Испробовано уже то страшное рѣшающее средство, которымъ британскій удавъ душилъ въ свое время Наполеона душилъ Вильгельма — блокада Испробована и не помогла: въ результатѣ получилось даже какъ то такъ, что стало трудно уяснить себѣ — кто же тутъ блокируемый и моримый, а кто блокирующій и моритель, кто кого душитъ. И надменная царица морей устами своего новаго Веллингтона вдругъ заявила на весь міръ:

„Европа не можетъ быть приведена въ нормальное состояніе безъ русскихъ запасовъ. Единственное разрѣшеніе вопроса это заключить миръ съ большевиками.."

Изъ всѣхъ союзниковъ еще одна Японія держится нѣсколько болѣе неопредѣленно, загадочно. И именно къ ней, къ Японіи, какъ къ послѣднему прибѣжищу, устремлены сейчасъ глаза тѣхъ русскихъ политиковъ, которыхъ еще чаруетъ Омскъ своими посмертными чарами.

Но вѣдь мертва же омская комбинація и трупъ ея безплодно гальванизировать иностранными токами—не оживетъ все равно. Если ужъ не помогла иностранная помощь въ прошломъ году, когда русскія арміи въ многія сотни тысячъ надвигались на Москву со всѣхъ сторонъ — то что она можетъ сдѣлать теперь, когда отъ всѣхъ этихъ армій остались развѣ осколки осколковъ?.. Ну, а одними лишь иностранными штыками національнаго возрожденія не достигнешь. А главное, смѣшны тѣ, кто днемъ съ фонаремъ ищетъ національнаго возрожденія въ тотъ моментъ, когда оно уже грядетъ — только иною тропой...

Власть адмирала Колчака поддерживалась элементами двоякаго рода: во первыхъ, за нее разумѣется ухватились люди обиженныхъ революцiей классовъ, мечтавшiе подъ лозунгомъ „порядокъ“ вернуть себѣ утраченное спокойствiе, отнятое достоянiе и выгодное соцiальное положенiе; во вторыхъ подъ ея знамя встали группы нацiонально демократической интеллигенцiи, усматривавшей въ большевизмѣ враждебную государству и родинѣ нацiонально разлагающую силу. Именно эти послѣднiя группы представляли собою подлинную идеологiю омскаго правительства въ то время, какъ элементы перваго рода систематически портили и компрометировали его работу.

Теперь, когда правительство пало, а совѣтская власть усилилась до крупнѣйшаго международнаго фактора и явно преодолѣла тотъ хаосъ, которому была обязана своимъ рожденiемъ, *нацiональныя* основанiя продолженiя гражданской войны отпадаютъ. Остаются лишь групповыя, *классовыя* основанiя, но они, конечно, отнюдь не могутъ имѣть значенiя и вѣса въ сознанiи нацiонально демократической интеллигенцiи. Такимъ образомъ, продолженiе междоусобной борьбы, созданiе окраинныхъ „плацдармовъ“ и иностранныя интервенцiи нужны и выгодны лишь узко классовымъ, непосредственно потерпѣвшимъ отъ революцiи элементамъ. Интересы же Россiи здѣсь рѣшительно не при чемъ.

Пусть господа идеологи плацдармовъ устраиваютъ таковые подальше отъ русской границы. Пусть тамъ готовятъ они своего Людовика XVIII, пока и ихъ, такъ или иначе, не коснется огненное дыханiе русскаго ренессанса.

ПЕРСПЕКТИВЫ. *

Годуновъ (Иринѣ). Пути сошлися наши.
Ирина. О, если бъ имъ сойтись не довелось!
«Царь Өеодоръ Іоанновичъ»,
гр. А. Толстого, 5-й актъ.

1.

Совѣтской власти удалось отстоять свое существованіе отъ внутреннихъ силъ, противъ нея боровшихся. Она вышла побѣдительницею въ гражданской войнѣ.

Но что же дальше? Какъ сложится судьба Россіи въ предстоящіе мѣсяцы и ближайшіе годы? Какъ опредѣлится взаимное соотношеніе ея политическихъ группировокъ и соціальныхъ группъ? Близки-ли мы къ „успокоенію“ и переходу на „состояніе мира“, или страна продолжаетъ пребывать въ „состояніи революціи“, еще далеко не осуществившей своей основной задачи? — Вотъ вопросы, которые стали очередными и которые не могутъ не волновать.

Достаточно самаго поверхностнаго анализа большевистской идеологіи, чтобы убѣдиться въ „міровомъ“ объемѣ ея устремленій и задачъ. Россія для совѣтскихъ лидеровъ есть не что иное, какъ (употребляя модное нынѣ словечко) „плацдармъ“ революціи, который необходимъ для грядущаго дѣйствительнаго торжества революціонной идеи во всемъ мірѣ. Русская революція — лишь этапъ всемірной соціальной революціи. И, какъ этапъ, она не мыслится въ качествѣ чего-то цѣльнаго, законченнаго, самостоятельнаго. Недаромъ, Ленинъ постоянно твердилъ, что „міровой имперіализмъ и шествіе соціальной революціи рядомъ удержаться не могутъ“. Очевидно, что одно изъ этихъ двухъ историческихъ явленій можетъ цѣликомъ осуществиться въ жизни, лишь поглотивъ другое.

Въ опубликованномъ недавно интервью Литвинова съ англійскими журналистами отчетливо проводится по существу та же мысль, только въ экономическомъ ея разрѣзѣ:

— Полный коммунизмъ возможенъ лишь при условіи, что другія страны станутъ на тотъ же экономическій базисъ. Или

*) „Новости Жизни“ 18 марта 1920 г.

онѣ должны будутъ послѣдовать нашему примѣру, или же Россія, зайдя впередъ прежде, чѣмъ наступило для этого время, должна будетъ возвратиться къ капитализму.

А разъ такъ, то становится совершенно яснымъ, что побѣда совѣтской власти на фронтѣ русской гражданской войны отнюдь не знаменуетъ собою торжества прочнаго или сколько-нибудь длительнаго мира. Она есть не что иное, какъ переходъ отъ борьбы внутренней, междуусобной къ борьбѣ съ внѣшними врагами. И, конечно, глубоко разочаруются тѣ, кто лозунгъ „миръ", свойственный красному знамени, принимаютъ за символъ чего-то близкаго, очередного, реальнаго. Въ лучшемъ случаѣ, они получатъ нѣкоторую „передышку".

2.

Но дѣло въ томъ, что Россія и не заслужила еще дѣйствительнаго мира. Если бы она въ настоящій моментъ своей исторіи сложила оружіе и почила отъ дѣлъ, — это свидѣтельствовало бы объ ея національномъ и государственномъ оскудѣніи. Не таково международное положеніе, чтобы не учитывать неизбѣжности новыхъ осложненій и конфликтовъ: не миръ, но мечъ несетъ человѣчеству Версаль. А главное, Россія еще не объединена, не возсоздана въ своихъ великодержавныхъ правахъ. Карликовыя государства — дѣти западнаго декаданса — шумною, хотя и довольно бестолковою толпою окружаютъ ее, безсильныя и фальшивыя сами по себѣ, но держащіяся тѣмъ, что ихъ бытіе выгодно державамъ антанты. Этотъ „санитарный кордонъ" еще опоясываетъ Россію, и пока не будетъ радикально уничтоженъ, дѣйствительнаго мира не будетъ, быть не можетъ и не должно. Россія разорветъ „колючую проволоку" г. Клемансо — это ея очередная національная задача.

Въ области этой проблемы, какъ и ряда другихъ, причудливо совпадаютъ въ данный моментъ устремленія совѣтской власти и жизненные интересы русскаго государства. Совѣтское правительство естественно добивается скорѣйшаго присоединенія къ „пролетарской революціи" тѣхъ мелкихъ государствъ, что подобно сыпи высыпали нынѣ на тѣлѣ „бывшей Россійской Имперіи". Это — линія наименьшаго сопротивленія. Окраинные народцы слишкомъ заражены русской культурой, чтобы вмѣстѣ съ ней не усвоить и послѣдній ея продуктъ — большевизмъ. Горючаго матеріала у нихъ достаточно. Агитація среди нихъ сравнительно легка. Разлагающій революціонный

процессъ ихъ коснулся въ достаточной мѣрѣ. Ихъ „правительства“ держатся болѣе иностраннымъ „сочувствіемъ“, нежели опорою въ собственныхъ народахъ.

При такихъ условіяхъ, сосѣдство съ красной Россіей, котораго явно побаиваются даже и величайшія міровыя державы, врядъ-ли можетъ повести къ благополучію и безопасному процвѣтанію наши окраины, самоопредѣлившіяся „вплоть до отдѣленія“. Очевидно, что подлиннаго, „искренняго“ мира между этими окраинами и большевиками быть не можетъ, пока система совѣтовъ не распространится на всей территоріи, занимаемой нынѣ „бѣлоэстонскимъ“, „бѣлофинляндскимъ“ и прочими правительствами. Правда, совѣтская дипломатія формально продолжаетъ признавать принципъ „самоопредѣленія народовъ“, но вѣдь само собою разумѣется, что этотъ типичный „мелко-буржуазный“ принципъ въ ея устахъ есть лишь тактически необходимая maniere de parler. Ибо и существенные интересы „всемірной пролетарской революціи“, и лозунгъ „диктатуры пролетаріата“ находятся въ разительномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ нимъ. — Недаромъ же, послѣ заключенія мира съ бѣлой Эстоніей Ленинъ откровенно заявилъ, что „пройдетъ немного времени — и намъ придется заключить съ Эстоніей второй миръ, уже настоящій, ибо скоро нынѣшнее правительство тамъ падетъ, свергнутое совѣтами“...

Совѣтская власть будетъ стремиться всѣми средствами къ возсоединенію окраинъ съ центромъ во имя идеи міровой революціи. Русскіе патріоты будутъ бороться за то же — во имя великой и единой Россіи. При всемъ безконечномъ различіи идеологіи, практическій путь — единъ, а исходъ гражданскаго междоусобія предопредѣляетъ внѣшнюю оболочку и оффиціальную „марку“ движенія.

При настоящихъ условіяхъ, наиболѣе дѣйственнымъ и безболѣзненнымъ орудіемъ борьбы окажется, вѣроятно, большевистская пропаганда. Но, конечно, рядомъ съ нею и для вящей ея убѣдительности потребуется, хотя бы въ запасѣ и достаточная вооруженная сила. Части русской арміи, нынѣ разбросанныя по всему пространству страны, отдыхающія, переходящія на „трудовое положеніе“ и кое-гдѣ еще продолжающія взаимную борьбу, могутъ въ недалекомъ будущемъ вновь понадобиться — но только уже не для внутреннихъ фронтовъ.

Революція вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія, который не можетъ не отразиться на общемъ ея обликѣ.

Съ точки зрѣнія большевиковъ русскій патріотизмъ, явно разгорающійся за послѣднее время подъ вліяніемъ всевозмож-

ныхъ „интервенцій“ и „дружескихъ услугъ“ союзниковъ, есть полезный для даннаго періода факторъ въ поступательномъ шествіи міровой революціи.

Съ точки зрѣнія русскихъ патріотовъ, русскій большевизмъ, сумѣвшій влить хаосъ революціонной весны въ суровыя, но четкія формы своеобразной государственности, явно поднявшій международный престижъ объединяющейся Россіи и несущій собою разложеніе нашимъ заграничнымъ друзьямъ и врагамъ, долженъ считаться полезнымъ для даннаго періода факторомъ въ исторіи русскаго національнаго дѣла.“

Воистину, прихотливы капризы исторической судьбы и причудлива ея діалектика. Правъ былъ Гегель, усматривая на ней печать „лукавства правящаго міромъ Разума“..

3.

Но все-таки, что же дальше? Всемірная революція? „Федеративная совѣтская республика Европы“, а затѣмъ и всего міра? Переходъ отъ капитализма къ соціализму, коммунизму?

Блаженны вѣрующіе. Я не изъ ихъ числа. Изъ альтернативы Литвинова мнѣ все таки представляется гораздо болѣе вѣроятной вторая возможность.

Конечно, многое изъ совѣтскихъ опытовъ войдетъ прочнымъ вкладомъ въ русскую и даже всемірную исторію и культуру, подобно тому, какъ многое изъ великой французской революціи перешло въ вѣка, несмотря на 9 термидора и 18 брюмера, и живо до сихъ поръ. Если коммуна 1871 г. доселѣ любовно жуется историками фактовъ и историками идей, то насколько же болѣе богатый, яркій, грандіозный и величественный матеріалъ оставитъ послѣ себя великая русская революція?..

Пусть это такъ, но все же протекшій опытъ трехъ лѣтъ отнюдь не даетъ основаній утверждать, что „міровой капитализмъ“ изжилъ себя въ такой степени, что уже пробилъ часъ его смерти. Не говоря уже о самой Россіи, которой настолько не пристало коммунистическое обличье, что сами совѣтскіе вожди предпочитаютъ, кажется, нынѣ больше говорить о строѣ „трудовомъ“, нежели коммунистическомъ, — страны Запада, предметъ всѣхъ красныхъ надеждъ, упорно держатся своихъ капиталистическихъ привычекъ. И теперь, когда приходится силою необходимости сталкиваться съ ними лицомъ къ лицу на экономической почвѣ, для русскаго коммунизма настаютъ часы „тягчайшихъ испытаній и пораженій“ (Ленинъ).

Или совѣтская система принуждена будетъ въ экономической сферѣ пойти на величайшіе компромиссы, или опас-

ность будетъ угрожать уже самой основѣ ея бытія. Очевидно, предстоитъ экономическій Брестъ большевизма.

И, судя по послѣднимъ мирнымъ предложеніямъ совѣтской власти иностраннымъ державамъ, Ленинъ пошелъ на этотъ второй Брестъ съ тою же характерною для него тактическою гибкостью, съ какою онъ шелъ на первый и которая такъ блестяще оправдала себя.

Если соглашеніе будетъ достигнуто и установится хотя бы на короткое время „худой миръ" съ союзниками, совѣтская диктатура въ значительной степени утратитъ тѣ свои качества, которыя дѣлали ее особенно одіозной въ глазахъ населенія. Прямолинейный фанатическій утопизмъ, отвергнутый жизнью, неминуемо смягчится, и невыносимое ярмо насильственнаго коммунизма, тяжесть котораго такъ хорошо знакома всякому, кто жилъ въ Совѣтской Россіи (не исключая крестьянъ и рабочихъ), будетъ давить уже менѣе безжалостно и бездушно, постепенно изживая себя...

Однако, передъ русскимъ правительствомъ, допустившимъ въ экономически разоренную страну иностранные капиталы, чрезвычайно остро встанетъ вопросъ объ огражденіи своей государственной самостоятельности. Необходимы реальныя гарантіи, чтобы не повторялись попытки интервенцій и дружескихъ оккупацій.

Эти гарантіи могутъ состоять прежде всего и главнымъ образомъ въ наличности достаточной военной силы, и затѣмъ — въ надлежащемъ использованіи („безъ предразсудковъ") международныхъ отношеній современности. И здѣсь опять-таки интересы совѣтской власти будутъ фатально совпадать съ государственными интерессами Россіи. Экономическое пораженіе придется возмѣщать политическими и, весьма возможно, даже военными побѣдами.

Логикою вещей большевизмъ отъ якобинизма будетъ эволюціонировать къ наполеонизму (не въ смыслѣ конкретной формы правленія, а въ смыслѣ *стиля* государственнаго устремленія). Конечно, эти историческія аналогіи теоретичны, неточны и, такъ сказать, грубы, но все же онѣ невольно приходятъ въ голову. Словно сама исторія нудитъ интернаціоналистовъ осуществлять національныя задачи страны. Недостаетъ развѣ только, чтобы, устроивъ „октябрьскую революцію" въ Турціи, они включили Царьградъ въ составъ „федеративной республики совѣтовъ" съ центромъ въ Москвѣ...

Я прекрасно понимаю, что эти утвержденія въ ихъ цѣломъ непріемлемы ни для большевиковъ, какъ фанатиковъ

интернаціонала, но для тѣхъ ихъ противниковъ, которые до сихъ поръ еще живутъ идеологіей гражданской войны и полагаютъ, что самая фирма „большевики“ (какъ въ свое время нѣмцы), независимо отъ ея содержанія и окружающей обстановки, есть нѣчто, подлежащее безусловному истребленію. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ извѣстной изолированности своей политической позиціи по тому впечатлѣнію, которое произвела въ различныхъ кругахъ и группахъ моя статья „Интервенція“.

И все-таки, я не могу не повторить еще разъ, что крушеніе вооруженнаго противобольшевистскаго движенія отнюдь не подрываетъ во мнѣ увѣренности въ близости нашего національнаго возрожденія, но только заставляетъ признать, что оно грядетъ—иною тропой...

Союзники и мы.*)

Вполнѣ естественны многочисленные протесты противъ японскаго выступленія, выносимые русскими общественными организаціями Дальняго Востока. Нѣтъ ничего удивительнаго, что не только соціалистическія группы заявляютъ свое отрицательное отношеніе къ новому шагу союзниковъ въ области „русскаго вопроса“, но и такія организаціи, какъ совѣты профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній (и даже военной академіи) или комитеты партіи народной свободы вполнѣ солидарны въ своей оппозиціи къ свершившемуся 4 Апрѣля событію.

Правда, пока еще не совсѣмъ ясно, чѣмъ кончится предпринятая Японіей „военная экспедиція“. Но общая ея оцѣнка уже возможна. Нужно ли ожидать созданія новой русской власти по образу и подобію блаженной памяти скоропадчины, или затянется современное сумбурное положеніе вещей, очевидно одно: съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ Россіи, всякое вооруженное вторженіе иностранцевъ въ ея предѣлы есть въ настоящее время актъ не только не полезный, но опредѣленно вредный и по существу враждебный. И, разумѣется, онъ всего менѣе способенъ вызвать сочувствіе и тѣмъ болѣе поддержку сколько нибудь значительныхъ слоевъ русскаго населенія или вліятельныхъ группъ русскаго общества.

Пока въ Сибири держалось правительство Колчака, а на югѣ съ надеждой на успѣхъ боролся Деникинъ, военное выступленіе Японіи могло имѣть основаніе и оправданіе:—это было бы не что иное, какъ продолжающаяся помощь союзниковъ антибольшевистской русской власти, стремящейся стать реальнымъ „Россійскимъ Правительствомъ“. Такъ и ставился вопросъ въ Омскѣ и даже еще въ Иркутскѣ. Я отчетливо припоминаю нашу радость, когда въ дни напряженныхъ уличныхъ боевъ у Ангары и Ушаковки пришло извѣстіе о „рѣшеніи Японіи ввести свои войска въ предѣлы иркутскаго военнаго округа“.

Однако, эта радость была весьма кратковременна и весьма напрасна. Союзники не только несочли нужнымъ и цѣлесообразнымъ оказать активную поддержку гибнущему омскому правитель

*) „Новости Жизни“ 20 Апрѣля 1920 года.

ству, но замѣтно склонялась на сторону, его враговъ. Что касается Японіи, то она, какъ извѣстно, ничѣмъ тогда не выразила своего несогласія съ обще — союзнической тактикой, и при переговорахъ А. А. Червенъ Водали съ представителями союзниковъ ея комиссаръ былъ все время вполнѣ солидаренъ съ своими коллегами. Въ активной помощи правительству было отказано самымъ категорическимъ образомъ, и провозглашенный союзнымъ дипломатическимъ совѣтомъ „нейтралитетъ", благодаря чехамъ, оказался явно благопріятнымъ политическому центру. Введенныя же японскія войска спокойно и смирно просидѣли въ своихъ эшелонахъ на иркутскомъ вокзалѣ вплоть до обратной отправки ихъ на востокъ.

Союзническая помощь бѣлой Россіи закончилась необыкновенно галантной и предупредительной передачей адмирала Колчака „суду самого русского народа". Антисовѣтское вооруженное движеніе на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ Россіи завершилось полной и рѣшительной неудачей. Въ результатѣ двухлѣтнихъ страданій началось объединеніе страны, интернаціоналистское по лозунгамъ, но патріотическое по существу, ея органическое, стихійное возсоединеніе съ оторванными ея частями.
И вдругъ - опять „помощь", на этотъ разъ уже посредствомъ гальванизаціи умершаго движенія. Снова звонъ оружія, и довольно недвусмысленный отказъ отъ „нейтралитета", — только уже, не въ примѣръ Иркутска, какъ будто въ пользу формальнаго преемника адмирала... И снова искусственное оживленіе призрака, казалось, догоравшей гражданской войны.

Но, увы — вы приходите всегда слишкомъ поздно, господа союзники! Вы безнадежно опоздали, и вамъ уже не оживить почившаго движенія, какъ не воскресить его несчастнаго вождя!

Помимо многихъ другихъ, есть одна большая принципіальная разница между эпохою Колчака и нынѣшней. Она особенно существенна для психологіи русскихъ патріотовъ.

Тогда, худо ли, хорошо-ли, строилась нѣкая русская государственность, и національная идея была все время на первомъ планѣ. По своимъ заданіямъ и масштабамъ творилось всероссійское дѣло. Мы были національно самостоятельны, русскій суверенитетъ на русской территоріи являлся въ нашихъ глазахъ

непререкаемой аксіомой. Какъ бы къ нему ни относиться, нельзя не признать, что это было **русское** движеніе, хотя и не безъ иностранной поддержки.

Теперь не то. Теперь, судя по всему, мы можемъ получить на нашей восточной окраинѣ чисто иностранную по существу власть, только лишь съ русскимъ псевдонимомъ, при чемъ „идеологія" этого псевдонима будетъ по необходимости глубоко провинціальной. Словно украинская политика императорской Германіи готова найти себѣ точную копію на нашемъ крайнемъ востокѣ. Невольно приходитъ въ голову мысль, что союзники (нельзя же разсматривать происходящія событія, какъ сепаратное выступленіе Японіи!) рѣшили замкнуть „колючую ограду" вокругъ Россіи созданіемъ своего рода „дальневосточной Эстоніи" подъ негласнымъ японскимъ протекторатомъ. Матеріалъ же для этой „Эстоніи" они надѣются найти въ русскихъ антибольшевикахъ...

И не естественно ли, что въ этихъ намѣреніяхъ союзныхъ державъ, обнаруженныхъ конкретными мѣрами Японіи, русское общественное мнѣніе готово увидѣть, что угодно, только не дружественный шагъ и не стремленіе къ установленію „добрососѣдскихъ отношеній"?

...Или, быть можетъ, мы черезчуръ подозрительны и напрасно горячимся? Но на этотъ вопросъ умѣстно отвѣтить словами извѣстнаго польскаго дѣятеля, сказанными имъ когда-то представителю русскихъ земцевъ: — „если наши реплики слишкомъ нервны, то не забывайте, что мы — люди съ обожженной кожей"!..

Право, намъ нынѣ нужно отъ союзниковъ меньше, чѣмъ когда либо. Мы просимъ ихъ лишь объ одномъ:

— Оставьте насъ въ покоѣ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ цѣну вашей помощи. Мы не винимъ васъ ни въ чемъ, мы не претендуемъ ни на что, но позвольте уже намъ позаботиться о себѣ. Гражданская война наша кончается, и благоволите уже не пытаться снова ее разжечь, — вы, политики Принцевыхъ острововъ! И знайте, — въ вашихъ попыткахъ продолжать „брестскую" тактику расчлененія и обезсиленія Россіи вы теперь не получите поддержки ни одного сознательнаго русскаго патріота. Наши пути разошлись. Самое большее — вы создадите русскій Кобленцъ или вторую скоропадчину. Но вѣдь вы сами прекрасно знаете, что и то, и другое ни достаточно дѣйственно, ни достаточно долговѣчно. Поймите, что **нынѣ уже невозможна антибольшевиская интервенція. Всякая интервенція будетъ нынѣ—антирусской:**

О ВѢРНОСТИ СЕБѢ.*)

Познай самого себя!
Дельфійское изрѣченіе.

«Среди колчаковскаго и розановскаго офицерства, переполняющаго Шанхай, нашлось очень и очень немного радующихся выступленію Японіи. Даже эти офицеры, получившіе возможность выѣхать заграницу лишь при содѣйствіи Японіи, съ чувствомъ глубокаго негодованія встрѣтили вооруженное вторженіе въ Россію своей покровительницы».

Газ. „Шанхайская Жизнь", 20 апрѣля.

1.

Можно ли говорить о непослѣдовательности, излишней „перемѣнчивости" тѣхъ русскихъ политическихъ дѣятелей или тѣхъ офицеровъ, которые всецѣло и вполнѣ поддерживали омское правительство, а теперь проповѣдуютъ „гражданскій миръ" и протестуютъ противъ иностранной интервенціи?

Мнѣ лично не разъ приходилось слышать подобные упреки въ чрезмѣрной впечатлительности и чуть ли даже не въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій. Въ непристойной и демагогической формѣ они появлялись и въ печати опредѣленнаго направленія. Считаю цѣлесообразнымъ поставить во всей полнотѣ эту проблему, безспорно представляющую собою нынѣ извѣстное общественное значеніе. Ибо многіе русскіе патріоты должны въ настоящіе дни продумать ее до конца, чтобы ощущеніе ложнаго стыда, поверхностная боязнь осужденія со стороны нѣкоторыхъ изъ бывшихъ спутниковъ и соратниковъ, не помѣшали имъ принять правильное рѣшеніе вопроса.

Должны ли бывшіе „колчаковцы" теперь привѣтствовать выступленіе Японіи и попрежнему исповѣдовать идеологію вооруженной борьбы съ большевизмомъ до конца?

Я категорически утверждаю: нѣтъ, не должны. Не должны во имя того же самаго національнаго и государственнаго принципа, который еще такъ недавно заставлялъ ихъ вести съ

*) „Новости Жизни" 1 мая 1920 г.

Японіей переговоры о поддержкѣ и бороться на фронтѣ противъ красной арміи.

Это можетъ показаться парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе это такъ. Политика вообще не знаетъ вѣчныхъ истинъ. Въ ней по геракл̆итовски „все течетъ", все зависитъ отъ наличной „обстановки", „конъюнктуры", „реальнаго соотношенія силъ". Лишь самая общая верховная цѣль ея можетъ претендовать на устойчивость и относительную неизмѣнность.

Для патріота эта общая, верховная цѣль лучше всего формулируется старымъ римскимъ изреченіемъ: „благо государства—высшій законъ". Принципъ государственнаго блага освящаетъ собою всѣ средства, которыя избираетъ политическое искусство для его осуществленія. Быть вѣрнымъ себѣ для патріота значитъ быть вѣрнымъ этому принципу,—и только. Что же касается путей конкретнаго проведенія его въ жизнь, то они всецѣло обусловлены окружающей измѣнчивой обстановкой.

Самый безнадежный и несносный въ области политики типъ, это—прутковскій „рыцарь Грюнвальдусъ", который, ни на что окружающее не обращая никакого вниманія,

Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ.

2.

Исторія являетъ намъ очень много примѣровъ крутыхъ и какъ будто внезапныхъ переломовъ въ политикѣ различныхъ государственныхъ дѣятелей и среди нихъ—великихъ учителей человѣчества въ сферѣ политической жизни. Однако, лишь очень поверхностный или очень недобросовѣстный взглядъ могъ бы усмотрѣть въ этихъ переломахъ „измѣну принципамъ".

Въ 1866 году, въ разгаръ австро-прусской войны, послѣ сраженія у Садовой, Бисмаркъ изъ ожесточеннаго и давнишняго противника Австріи превращается вдругъ въ ея „искренняго" друга и яраго защитника. Прусскіе шовинисты, дворъ, военная партія изумлены и возмущены подобнымъ „легкомысленнымъ превращеніемъ" министра президента и единодушно настаиваютъ на продолженіи войны съ Австріей „до конца". Бисмаркъ послѣ невѣроятныхъ усилій (и даже не безъ помощи слезъ и рыданій!) склоняетъ короля на свою сторону, и прусскія войска останавливаются неподалеку отъ беззащитной Вѣны. Исторія показала, сколь дальновиденъ былъ крутой поворотъ въ политикѣ геніальнаго канцлера *).

*) Мотивы этого внезапнаго перелома прекрасно изложены въ мемуарахъ Бисмарка.

Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ многіе англичане съ удивленіемъ созерцали, какъ Гладстонъ изъ убѣжденнаго противника ирландскаго гомруля становится столь же убѣжденнымъ его сторонникомъ. Такой поворотъ „на 180 градусовъ“ произвелъ на широкіе круги избирателей неблагопріятное впечатлѣніе и способствовалъ пораженію Гладстона на слѣдующихъ общихъ выборахъ. Даже многіе члены либеральной партіи съ тревогой взирали на „неустойчивость“ премьера, а министръ внутреннихъ дѣлъ Чемберлэнъ вышелъ изъ его кабинета, тѣмъ самымъ подчеркнувъ и узаконивъ происшедшій партійный расколъ. Однако, прошло не такъ много времени, и Англія убѣдилась, сколь мудръ былъ знаменитый дѣятель, сумѣвшій во время замѣтить опасность и, учтя ее, радикально перемѣнить свою тактику. Еще и до сихъ поръ англійскому кабинету приходится распутывать ирландскій узелъ, запутанный „твердой рукой“ смѣнившихъ Гладстона консерваторовъ и „либераловъ-уніонистовъ“ чемберлэновскаго толка.

Подобные примѣры можно приводить до безконечности. Наиболѣе близкій намъ — феерическое превращеніе Ленина изъ „друга“ Германіи въ ея „врага“, изъ антимилитариста въ идейнаго вождя большой регулярной арміи, изъ сторонника восьмичасового рабочаго дня въ насадителя двѣнадцатичасового.

Что же, неужели всѣ эти люди — измѣнники своимъ принципамъ? Ничуть. Они лишь умѣютъ отличать принципъ отъ способа его осуществленія. Они — лучшіе слуги своей идеи, чѣмъ тѣ, кто близорукимъ и неуклюжимъ служеніемъ ей лишь губятъ ее, вмѣсто того, чтобы дать ей торжество. Они — не измѣнники, они только — не доктринеры. Они не ищутъ неизмѣннаго въ томъ, что вѣчно измѣнчиво по своей природѣ. Они умѣютъ учитывать „обстановку“.

И возьмемъ другой примѣръ. Французскіе эмигранты, наиболѣе „послѣдовательные“ противники великой революціи, кончили тѣмъ, что вмѣстѣ съ иностранцами боролись противъ своей родины до тѣхъ поръ, пока она не была окончательно разбита и унижена. Они — во имя родины! — радовались каждому пораженію французской арміи и огорчались при каждой ея побѣдѣ. Они, наконецъ, радикально „побѣдили“ подъ Ватерлоо и торжественно вернулись во своя-си подъ охраною англійскихъ солдатъ и русскихъ казаковъ. Сказала-ли имъ „спасибо“ національная исторія Франціи?..

Впрочемъ, быть можетъ, Франція нужна была этимъ господамъ лишь постольку, поскольку она воплощалась въ нихъ

прекрасныхъ помѣстьяхъ феодальной эпохи и въ солнечной роскоши двора Людовика XIV?..

3.

Русская интеллигенція боролась противъ большевизма по многимъ основаніямъ. Но главнымъ и центральнымъ былъ въ ея глазахъ мотивъ **національный**. Широкіе круги интеллигентской общественности стали врагами революціи потому, что она разлагала армію, разрушала государство, унижала отечество. Если бы не эти національные мотивы, организованная **вооруженная** борьба противъ большевизма съ самаго начала была бы безпочвенна, а, вѣрнѣе, ея бы и вовсе не было.

Правда, нельзя отрицать, что идеологія совѣтовъ вызываетъ противъ себя рядъ существенныхъ возраженій и въ плоскости культурной, равно какъ экономической и политической. Но одни эти возраженія никогда не создали бы того грандіознаго вооруженнаго движенія, которое въ прошломъ году ополчилась на красную Москву. Паѳосъ этого движенія былъ прежде всего національный. Большевизмъ не безъ основанія связывался въ общественномъ сознаніи съ позоромъ Бреста, съ военнымъ разваломъ, съ международнымъ грѣхомъ— измѣной Россіи союзникамъ.

Такъ было. Но теперь обстановка круто измѣнилась. Брестскій договоръ развѣянъ по вѣтру германской революціей вмѣстѣ съ военной славой императорской Германіи. „Союзники" сумѣли использовать къ своей выгодѣ измѣну Россіи еще болѣе удачно, чѣмъ имъ бы довелось использовать ея вѣрность;—и мы во всякомъ случаѣ вправѣ считать себя съ ними поквитавшимися.

Но, главное, большевикамъ удалось фактически парировать основной національный аргументъ, противъ нихъ выставлявшійся: — они стали государственной и международной силой, благодаря несомнѣнной заразительности своей идеологіи, а также благодаря своей красной арміи, созданной ими изъ мутнаго потока керенщины и октябрьской „весны".

Два прошедшихъ года явились огненнымъ испытаніемъ всѣхъ элементовъ современной Россіи. Это испытаніе закончилось побѣдою большевизма надъ всѣми его соперниками.

Весною 1918 года была въ корнѣ сокрушена оппозиція слѣва въ лицѣ „анархизма," одно время весьма моднаго въ столицахъ и даже нѣкоторыхъ провинціяхъ. Осенью того же года оказалась преодолѣнной „соціалъ-соглашательская" ли-

нія, прерванная московской каноссою Вольскаго съ одной стороны, и омскимъ переворотомъ Колчака—съ другой. Прошлое лѣто ушло на борьбу Москвы съ Омскомъ и Екатеринодаромъ. Результатъ этой борьбы налицо.

Какъ только пала колчаковско-деникинская комбинація, стало ясно, что внутри Россіи нѣтъ уже болѣе организованныхъ, солидныхъ элементовъ, могущихъ претендовать на сверженіе большевизма и реальное обладаніе властью въ странѣ.

Отдѣльныя вспышки случайныхъ мѣстныхъ возстаній послѣ разсѣянныхъ фронтовъ и сокрушенныхъ правительствъ—лишь безцѣльныя судороги безсильнаго движенія, и было бы верхомъ донъ-кихотства возлагать на нихъ мало мальски серьезныя надежды. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало столь же несомнѣнно, что красное правительство, сумѣвшее ликвидировать чуть ли не милліонную армію своихъ враговъ, есть сила, и вполнѣ реальная,— особенно на фонѣ современныхъ сумерекъ европейскаго міра.

Въ эту же минуту отпало націоналное основаніе продолженіе вооруженной борьбы съ Совѣтскою властью. Жестокая судьба воочію обнаружила, что наполеоновскій мундиръ, готовившійся для Колчака русскими националъ- либералами, не подошелъ къ несчастному адмиралу, какъ и костюмъ Вашингтона, примѣрявшійся для него же нѣкоторыми русскими демократами.

Національная сила оказалась сосредоточенной во враждебномъ станѣ, и странной игрою судьбы изъ нѣдръ революціоннаго тумана словно даже сталъ подниматься образъ своеобразнаго бонапартизма . . . И русскіе патріоты очутились въ затруднительномъ положеніи. Продолжать гражданскую войну (и то не во всеросійскомъ масштабѣ) они нынѣ могутъ лишь соединившись съ иностранными штыками,—точнѣе, послушно подчинившись имъ. Иначе говоря, имъ пришлось бы въ такомъ случаѣ усвоить себѣ психологію французскихъ эмигрантовъ роялистовъ:—радоваться пораженіямъ родины и печалиться ея успѣхамъ.

Если это называть патріотизмомъ,—то не будетъ ли подобный патріотизмъ, какъ въ добрыя старыя времена, требовать кавычекъ?

И если такую тактику считать даже вѣнцомъ „послѣдовательности“,—то не лучше ли быть непослѣдовательнымъ?

Что касается меня, то мнѣ кажется, что переходъ отъ національной оріентаціи Омска къ эмигрантскимъ настроеніямъ въ стилѣ Людовика XVIII есть самая величайшая „непослѣдовательность“ изъ всѣхъ возможныхъ. И когда мнѣ прихо-

дится читать теперь о бояхъ большевиковъ съ финляндцами, мечтающими „аннексировать“ Петербургъ, или съ поляками, готовыми утвердиться чуть ли не до Кіева, или съ румынами, проглотившими Бессарабію, не могу не признаться, что симпатіи мои—не на сторонѣ финляндцевъ, поляковъ, или румынъ...

Лишь для очень поверхностнаго, либо для очень недобросовѣстнаго взора современная обстановка можетъ представляться подобною прошлогодней. Не мы, а жизнь повернулась „на 180 градусовъ“. И для того, чтобы остаться вѣрными себѣ, мы должны учесть этотъ поворотъ. *Проповѣдь старой программы дѣйствій въ существенно новыхъ условіяхъ часто бываетъ наихудшей формою измѣны своимъ принципамъ.*

Прекрасно знаю, что большевизмъ богатъ недостатками, что многія возраженія противъ него съ точки зрѣнія культурной (вульгарный матеріализмъ, „механизація“ жизни), экономической („немедленный“ коммунизмъ) и политической (антиправовые методы управленія) еще продолжаютъ оставаться въ силѣ. Но главное, рѣшающее возраженіе—съ точки зрѣнія національной отпало. Слѣдовательно, и преодолѣніе всѣхъ тягостныхъ послѣдствій революціи должно нынѣ выражаться не въ бурныхъ формахъ вооруженной борьбы, а въ спокойной постепенности мирнаго преобразованія, путемъ усвоенія пережитыхъ уроковъ и опытовъ. Помимо того, теперь уже нѣтъ выбора между двумя лагерями въ Россіи. Теперь нужно выбирать между Россіей и чужеземцами. А разъ вопросъ ставится такъ, то на всѣ жалобы объ изъянахъ родной страны, соглашаясь признать наличность многихъ изъ этихъ изъяновъ, я все-таки отвѣчу словами поэта: -

Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ!

Старый споръ. *)

———

... Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою...

Пушкинъ.

1.

„Я посмотрю. достойны ли вы быть націей“—говорилъ Наполеонъ въ 1806 году, въ отвѣтъ на мольбы польскихъ дѣятелей „воскресить“ ихъ бѣдную родину, обиженную мачехой-исторіей.

Однако, тогда полякамъ такъ и не удалось убѣдить своего высокаго покровителя въ государственныхъ способностяхъ своихъ и національной жизненности. Маленькое „Варшавское“ государство, образованное Наполеономъ изъ территорій, отнятыхъ у прусскаго короля, представило собою картину до того нескладную, что вполнѣ заслужило эпиграмму, весьма распространенную въ то время:—„Герцогство варшавское, монета прусская, солдаты польскіе, король саксонскій, кодексъ французскій“...

И генералъ Кропинскій имѣлъ полное основаніе утверждать въ 1813 году: „Наполеонъ не хотѣлъ создать Польши, когда могъ это сдѣлать“...

Но вотъ прошло болѣе ста лѣтъ, и капризъ международной обстановки вновь вызвалъ къ жизни призракъ польскаго государства, облекъ его плотью и кровью. Ибо того требовали интересы господъ момента сего, такъ было нужно для большаго ослабленія побѣжденныхъ, для вящаго торжества побѣдителей.

Вмѣстѣ съ безконечными Латвіями, Грузіями, Азербейджаномъ (впрочемъ, нынѣ уже снова покойнымъ) и прочая, и прочая, и прочая,—явилась на свѣтъ Божій и новая Польша, гордая своей старинною славой, своимъ чудеснымъ воскресеніемъ и даже, кажется, своимъ вѣковымъ сномъ...

И среди всѣхъ этихъ безчисленныхъ карликовыхъ „имперіализмовъ“, порожденныхъ „освободительной“ войной, имперіализмъ польскій съ первыхъ же дней заявилъ себя наименѣе

*) „Новости Жизни“ 18 Мая 1920 года.

умѣреннымъ и наиболѣе претенціознымъ.

Польша въ лицѣ своихъ нынѣшнихъ руководителей воистину возомнила себя „великой державой“. Какъ будто всерьезъ готова она считать свое „воскресеніе“ собственной своею заслугой. И, пользуясь несчастьемъ своихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей, еще недавно столь мощныхъ и грозныхъ, она стремится и впрямь распухнуть до предѣловъ для себя сверхъестественныхъ. Сразу преодолѣнъ и хваленый „этнографическій“ принципъ, и находчивые политики Варшавы уже отыскиваютъ другія „справедливыя“ основанія, по которымъ область непосредственнаго польскаго владѣнія необходимо должна распространиться на сѣверъ вплоть до береговъ Балтійскаго моря, а на востокъ—до прежнихъ русскихъ границъ эпохи Іоанна Грознаго.

И новый панъ Гарабурда уже бросаетъ перчатку въ старыя стѣны Кремля...

2.

Было бы, конечно, верхомъ наивности думать, что польское наступленіе имѣетъ цѣлью борьбу съ большевизмомъ, какъ таковымъ. Въ прошломъ году, въ разгаръ успѣховъ Деникина, когда паденіе Совѣтской власти представлялось вполнѣ реальной возможностью, польское правительство отнюдь не спѣшило оказать дѣйствительную помощь русскимъ антибольшевикамъ.

И это вполнѣ естественно. Побѣда Колчака и Деникина была для Варшавы нисколько не нужна и не желательна. Ни самостійной Украины, ни сверхъестественно растущей Польши никогда не потерпѣли бы русскіе патріоты. Помогая Деникину, польскіе шовинисты лишь подрывали бы корень своихъ вожделѣній и надеждъ.

Имъ нужно было лишь одно: всемѣрное ослабленіе Россіи. И поскольку гражданская война вела къ этому ослабленію, они радовались нашей гражданской войнѣ.

Теперь же, когда она завершается, ихъ часъ пробилъ. Болѣе благопріятнаго момента имъ уже не дождаться: Россія вотъ-вотъ начнетъ оправляться, вновь усиливаться, приходить въ себя; и тогда —прощай мечта о Великой Польшѣ! Значитъ, —теперь или никогда.

И они ловятъ моментъ. Они снаряжаютъ армію, благословленную самимъ Фошемъ. Они вступаютъ въ секретное соглашеніе съ Финляндіей и Румыніей. Они инсценируютъ по примѣру нѣмецкихъ дипломатовъ Бреста и французскихъ генераловъ Одессы комедію украинскаго самостійничества, воспольЗ-

зовавшись для этого все тѣмъ же классическимъ комикомъ — Петлюрою. И, собравшись въ походъ, они предъявляютъ Москвѣ свитокъ своихъ „условій мира“.

Воистину, безсмертные боги Олимпа умерли бы отъ смѣха, прочтя эти условія. Польша заговорила съ Россіей языкомъ побѣдителей Бреста или Версаля!.. И даже столь уступчивые и миролюбивые въ подобныхъ случаяхъ большевики принуждены были рѣшиться на новую войну.

Не можетъ быть ни грана сомнѣнія, что эта новая война есть дѣло не Совѣтской власти только, но всей Россіи. Лишь изступленное и озлобленное ослѣпленіе эмигрантовъ реакціи можетъ дойти до такой глубины паденія, чтобы сочувствовать полякамъ въ этой трагической борьбѣ.

Не къ большевикамъ, а къ Россіи направлены требованія варшавскаго правительства, и Россія должна отвѣчать на нихъ. Не большевики, а Россія приглашается „возвратить“ Польшѣ тысячи русскихъ вагоновъ. Не большевики, а Россія должна заплатить полякамъ милліарды рублей за „разрушенія“ въ войнѣ, воскресившей Польшу. Не большевики, а Россія унижается требованіемъ оскорбительной расплаты за свою историческую побѣду въ спорѣ съ польской державой. Не большевики, а Россія принуждается отдать Смоленскъ, какъ „гарантію“ выполненія условій. Перечтите и остальные пункты:—они всѣ имѣютъ въ виду Россію.

Пораженіе Россіи въ этой войнѣ задержитъ надолго ея національно-государственное возрожденіе, углубитъ разруху, укрѣпитъ расчлененіе, парализуетъ власть. Но зато ея побѣда вознесетъ ее сразу на былую державную высоту и автоматически откроетъ передъ нею величайшія международныя перспективы, которыхъ такъ боятся ея вчерашніе друзья.

И не значитъ ли это, что русская кровь, нынѣ льющаяся у Кіева и Смоленска, есть священная для насъ, жертвенная кровь за родину, за ея честь, за ея будущее?..

Ужели этого не понимаютъ, не хотятъ понять на югѣ? Ужели этого не чувствуетъ Врангель? И неужели ему не раскроетъ глаза даже доблестный примѣръ старика Брусилова?..

5.

Нетрудно найти политическій источникъ начавшейся польской авантюры. Для этого достаточно лишь вспомнить прошлогодніе домогательства парижскаго ходатая по дѣламъ польскаго правительства передъ союзниками г. Дмовскаго.

Эти домогательства исходили изъ идеи „великой и сильной Польши“ долженствующей замѣнить собою Россію въ системѣ европейскаго равновѣсія. „Польша въ этнографическихъ предѣлахъ—такова была аргументація г. Дмовскаго, насчитывающая лишь 20 милліоновъ населенія, оказалась бы образованіемъ слишкомъ слабымъ въ силу своего рокового положенія между нѣмецкимъ молотомъ и русской наковальней“. И польскіе шовинисты на этомъ основаніи предъявили конкретную претензію на наши бѣлорусскія губерніи, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ коситься и на Украину. Въ то же время Россія была ими открыто и цинично объявлена „наиболѣе опаснымъ врагомъ“.

Эти не лишенныя эффектности выступленія пана Домовскаго нашли себѣ въ свое время прекрасную оцѣнку со стороны П. Н. Милюкова, вскрывшаго всю политическую фальшивость и историческую безпочвенность „великодержавныхъ“ притязаній новорожденной республики.

„Роковое положеніе Польши между двумя могущественными государствами центральной и восточной Европы—писалъ этотъ русскій дѣятель въ своей французской статьѣ по польскому вопросу — заставляетъ ее остановиться на примѣненіи одной изъ двухъ политическихъ системъ. Либо ей приходится возложить всѣ надежды на покровительство лиги націй. Это — идеалистическій методъ дѣйствія, который легко можетъ оказаться несостоятельнымъ, какъ, напримѣръ, въ исторіи бельгійскаго нейтралитета. Либо нужно возвратиться къ реалистической концепціи международнаго равновѣсія, согласно которой слабый можетъ существовать, лишь раздѣляя сильныхъ. Тогда, слѣдовательно, нужно стараться имѣть Россію и Германію во враждебныхъ лагеряхъ или, по крайней мѣрѣ, не предпринимать ничего, что могло бы ихъ сблизить въ общемъ дѣлѣ. Польша получила свое законное наслѣдство отъ побѣжденной Пруссіи. Разумно ли въ ея положеніи одновременно стремиться къ увеличенію своей территоріи путемъ незаконныхъ захватовъ, которые повлекутъ за собою серьезную обиду со стороны Россіи? — Изъ двухъ сосѣдей, изъ которыхъ каждый сильнѣе васъ, старайтесь сдѣлать своимъ союзникомъ хоть одного, разъ другой сталъ вашимъ врагомъ“ *).

---

*) Статья «Польша и Россія» въ сборникѣ статей «Россія сегодняшняго и завтрашняго дня». Кстати отмѣчу, что тотъ же П. Н. Милюковъ въ одной изъ своихъ прошлогоднихъ англійскихъ статей по тому же вопросу съ проницательностью историка констатировалъ уже тогда зарождавшійся въ русской красной арміи здоровый инстинктъ единства и собиранія Россіи, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что чрезмѣрные окраинные имперіализмы лишь питаютъ и разжигаютъ собой этотъ инстинктъ.

Нельзя не признать всей вѣскости этихъ простыхъ соображеній П. Н. Милюкова. Но, какъ и слѣдовало ожидать, они оказались ничуть не убѣдительными для нынѣшнихъ вершителей польскихъ судебъ. Дѣло въ томъ, что они всецѣло исходятъ изъ признанія чисто временнаго характера переживаемыхъ Россіей потрясеній, изъ прежняго взгляда на Россію, какъ на могущественное государство. Между тѣмъ, именно этотъ взглядъ рѣшительно отвергается современными польскими политиками. Они видятъ и хотятъ видѣть въ совершающихся событіяхъ не преходящую болѣзнь внутренно жизненной русской державы, а ея окончательное разложеніе, гибель, finis Russiae. И задачей Польши они считаютъ всемѣрное способствованіе этому процессу разложенія съ цѣлью извлеченія всѣхъ выгодъ изъ смерти богатаго сосѣда. Поэтому они и не боятся одновременно выступать и противъ Германіи, и противъ Россіи.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ политика польскаго правительства продолжала всецѣло двигаться по пути г. Дмовскаго. Видимо, внезапный переходъ отъ небытія къ бытію слишкомъ вскружилъ головы вождей молодой республики. И даже несмотря на отрицательное отношеніе союзной конференціи къ шовинистическимъ проэктамъ Варшавы, ея агрессивные планы не только не умѣрились, но еще возросли и окрѣпли съ тѣхъ поръ. Ея программа мира, предложенная большевикамъ, —тому наглядное свидѣтельство.

———

Нынѣ жребій брошенъ. „Старый споръ“ вновь возобновленъ, и снова искушается судьба, его уже, казалось, взвѣсившая. Съ французскими пушками, англійскимъ золотомъ и румыно-финляндскимъ сочувствіемъ рвутся новорожденные польскіе легіоны на красный востокъ, по старымъ русскимъ дорогамъ, видавшимъ и Карла, и Бонапарта...

...Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ: —
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ!..

Вѣрится, хочется вѣрить, что даже и нынѣшняя разоренная, голодная, страдающая, но и въ невѣроятныхъ страданіяхъ своихъ все же великая Россія сумѣетъ оправдать старый приговоръ судьбы.

И только пусть уже тогда ея кичливые соперники не пеняютъ больше ни на „мачеху-исторію“, ни на своихъ нынѣш-

нихъ покровителей. Что касается первой, то она оказалась къ нимъ достаточно милостивой, и не ея вина, если они, какъ записной прожигатель жизни, словно подтверждая мудрыя сомнѣнія Наполеона, готовы въ годъ промотать полученное достояніе. А насчетъ высокихъ покровителей — не мѣшало бы имъ во время вспомнить старый завѣтъ ихъ же собственнаго Костюшки:

— Я не знаю почему, но при всей взаимной симпатіи французовъ съ поляками, французы всегда покидаютъ насъ въ самые рѣшительные моменты.

Patriotica.*)

1.

Въ 1905 году, въ разгаръ русско-японской войны група русскихъ студентовъ отправила въ Токіо телеграмму микадо съ искреннимъ привѣтомъ и пожеланіемъ скорѣйшей побѣды надъ кровавымъ русскимъ царемъ и его ненавистнымъ самодержавіемъ.

Въ томъ же 1905 году та же група русскихъ студентовъ обратилась къ польскимъ патріотамъ съ братскимъ привѣтомъ и пожеланіемъ успѣха въ борьбѣ съ царскимъ правительствомъ за возстановленіе польскаго государства и сверженіе русскаго абсолютизма.

Прошло 15 лѣтъ. Капризною игрою исторической судьбы эта група русскихъ студентовъ, возмужавшая и разросшаяся, превратилась, худо-ли, хорошо ли, въ русское правительство и принялась диктаторски править страною.

Тогда нашлась въ странѣ другая група русскихъ интеллигентныхъ людей, которая стала отправлять въ то же Токіо телеграммы и даже депутаціи къ микадо и его министрамъ съ искреннимъ привѣтомъ и пожеланіемъ побѣды надъ кровавыми русскими правителями и ненавистнымъ имъ комиссародержавіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ та же група русскихъ людей обратилась къ польскимъ патріотамъ (въ свою очередь созрѣвшимъ и оформившимся за эти 15 лѣтъ) съ братскимъ привѣтомъ и пожеланіемъ успѣха въ ихъ борьбѣ съ краснымъ правительствомъ за расширеніе польскаго государства и сверженіе русскаго деспотизма...

Група русскихъ пораженцевъ 1905 года на упрекъ въ антипатріотизмѣ и предательствѣ родины отвѣчала обычно, что нужно различать петербургское правительство отъ русскаго народа, что русское царское правительство ненавидимо русскимъ народомъ и что оно не столько русское, сколько нѣмецкое. Къ этому прибавлялось для вящей убѣдительности, что интересы міровой „солидарности трудящихся" должны стоять на первомъ планѣ, а русская власть есть ихъ величайшій врагъ.

*) „Новости Жизни" 17 іюня 1920 г.

Група русскихъ пораженцевъ 1920 года на упреки въ антипатріотизмѣ и забвеніи родины отвѣчаетъ обычно, что нужно отличать московское правительство отъ русскаго народа, что русское совѣтское правительство ненавидимо русскимъ народомъ и что оно не столько русское, сколько еврейское. Къ этому присовокупляется для пущей убѣдительности, что интересы мировой „культуры" должны стоять на первомъ планѣ, а нынѣшняя русская власть есть ихъ непримиримый врагъ...

Но кромѣ этихъ двухъ группъ, слава Богу, имѣются люди, —и, повидимому, ихъ все-таки большинство, - которые умѣютъ руководствоваться въ своихъ поступкахъ и мысляхъ не своимъ отношеніемъ къ тому или другому правительству, правящему въ данный моментъ страной, а своимъ отношеніемъ къ ней самой, какъ къ цѣлостному, живому организму.

Для такихъ людей недостатки правительства, каковы бы они ни были, не могутъ служить мотивомъ поддержки внѣшнихъ чужихъ силъ въ ихъ борьбѣ съ родною страной. Для такихъ людей извѣстный афоризмъ „всякій народъ имѣетъ то правительство, которое заслуживаетъ," пріобрѣтаетъ глубокій смыслъ, гласящій, что лишь тѣ перемѣны правительства законны и благотворны, которыя принудительно вытекаютъ изъ нѣдръ самой страны, самой націи.

И эти люди въ 1920 году съ такимъ же рѣшительнымъ осужденіемъ относятся къ просительнымъ паломничествамъ своихъ соотечественниковъ въ чужія столицы, съ какимъ они къ нимъ относились въ 1905 году.

Они никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть пораженцами. Въ 1905 году, въ минуту національной опасности, они боролись съ внѣшнимъ врагомъ подъ знаменемъ монархической автократіи, несмотря на всѣ ея отрицательныя черты, нѣкоторыя изъ которыхъ правильно отмѣчала група студентовъ японофиловъ. Въ 1920 году, въ моментъ еще большей національной опасности, они борются съ внѣшними врагами подъ знаменемъ красной власти, несмотря на всѣ ея отрицательныя свойства, многія изъ которыхъ справедливо отмѣчаютъ пораженцы новой формаціи.

Въ 1905 году нынѣшніе пораженцы были активными защитниками отечества. Геній народа былъ съ ними, несмотря на неудачи японской кампаніи. Пораженцы же 1905 и 1914 годовъ стали теперь силою вещей активными защитниками страны. И геній народа („оборонецъ" по инстинкту!) перелетѣлъ къ

нимъ. Надолго ли? — До тѣхъ поръ, пока они активно защищаютъ страну.

Прочтите послѣднее обращеніе къ русскому офицерству генераловъ Брусилова, Поливанова, Заіончковскаго, Клембовскаго, Парскаго и др., — и вы поймете чувства, одушевляющія нынѣ большинство русскихъ патріотовъ, въ сознаніи которыхъ не умѣщается мысль о возможности какого-либо сочувствія и привѣтствія по адресу внѣшняго врага, нападающаго на ихъ отечество.

И до чего отрадно, до чего символично, что первая война объединяющейся новой Россіи съ внѣшнимъ врагомъ связана съ именемъ стараго боевого генерала старой русской арміи: — словно сама исторія хочетъ примирить Великую Россію былого съ Великой Россіей новаго дня!..

2.

Какъ сейчасъ помню выступленіе генерала Брусилова 13 октября 1917 года въ закрытомъ засѣданіи второго съѣзда „русскихъ общественныхъ дѣятелей“ въ Москвѣ.

На этотъ съѣздъ мнѣ довелось попасть прямо изъ дѣйствующей арміи, и на фонѣ удручающихъ впечатлѣній нашего полнаго военнаго развала мудрыя и ободряющія слова стараго главнокомандующаго, всегда такого сдержаннаго и осторожнаго, съ какою то скульптурной рельефностью запечатлѣлись въ памяти...

Во всей атмосферѣ тѣхъ дней уже чувствовалось дыханіе обреченности. Корниловъ въ ожиданіи суда сидѣлъ арестованный въ быховской тюрьмѣ, армія была окончательно дезорганизована, правительство — безсильно и растерянно. И вотъ Брусиловъ въ своей рѣчи бросилъ ясный и тогда еще новый лозунгъ „спасеніе страны помимо и противъ правительства“, путемъ организаціи самостоятельныхъ вооруженныхъ силъ, предназначенныхъ для борьбы съ внутренней разрухой. Съ глубокой горечью и болью сообщалъ онъ о положеніи фронта, разложеннаго красной агитаціей и добитаго „убѣждармской“ политикой „военнаго министра генерала... виноватъ, товарища Керенскаго“... Съ величайшимъ внутреннимъ подъемомъ и волненіемъ говорилъ онъ о „Пожарскомъ“, который уже приходилъ, уже являлся среди насъ, но котораго не поддержалъ народъ и позорно предала власть. „Но не должно унывать. Будетъ воля народа — Пожарскіе найдутся“.

Такъ было. Этотъ московскій съѣздъ общественныхъ дѣятелей явился колыбелью „Всероссійскаго Національнаго

Центра", возглавлявшаго и одухотворявшаго до послѣдняго момента все наше антибольшевистское вооруженное движеніе. Брусиловъ остался въ Москвѣ, былъ случайно раненъ въ октябрьскіе дни, долго лѣчился и счастливо избѣжалъ трагической судьбы своихъ славныхъ боевыхъ друзей генераловъ Корнилова, Рузскаго, Радко-Дмитріева, Маркова и многихъ, многихъ другихъ. Что онъ переживалъ за это время,—трудно, или, вѣрнѣе, нетрудно представить...

Но прошли мѣсяцы, годъ, другой,—и вотъ онъ во главѣ большевистской красной арміи! „Командармъ... товарищъ Брусиловъ"...

И этотъ чудовищный парадоксъ кажется нынѣ такимъ естественнымъ, такъ просто объяснимымъ. Брусиловъ остался тѣмъ же, какимъ былъ три года тому назадъ,—и именно потому, что онъ остался тѣмъ же, онъ сталъ во главѣ большевистской арміи, своимъ подвигомъ замкнувъ кругъ ея превращенія въ русскую національную армію, нужную странѣ не для гражданской усобицы, а для защиты отъ внѣшнихъ враговъ.

И нѣтъ ничего легче, какъ понять мотивы доблестнаго полководца, слишкомъ стараго, чтобы стремиться къ „авантюрамъ", и слишкомъ уже знакомаго съ боевой славой мірового масштаба, чтобы во имя личнаго честолюбія прельщаться краснымъ блескомъ совѣтскихъ наградъ...

„Отъ великой любви къ родинѣ"—отвѣтилъ, умирая, несчастный генералъ Крымовъ на вопросъ о мотивѣ его самоубійства (корниловскіе дни).

Этотъ же мотивъ—и только онъ одинъ—руководитъ и старымъ главнокомандующимъ, принявшимъ нынѣ изъ рукъ своихъ недавнихъ недруговъ отвѣтственнѣйшій военный постъ государства въ минуту грозной военной опасности. „Великая любовь къ родинѣ" повелительно заставляетъ его отбросить колебанія и предразсудки, пренебречь осужденіемъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ соратниковъ и друзей, и, несмотря на грань, отдѣляющую его символъ вѣры отъ идеологіи нынѣшней русской власти, честно отдать ей свои силы и знанія.

Онъ знаетъ, онъ чувствуетъ— этотъ Пожарскій новой Россіи,—что, защищая Совѣтскую власть, онъ защищаетъ родину, историческіе пути которой въ настоящее время причудливо совпали съ путями Совѣтской власти. Ибо испытанія послѣднихъ лѣтъ съ жестокою ясностью показали, что изъ всѣхъ политическихъ группъ, выдвинутыхъ революціей, лишь большевизмъ при всѣхъ порокахъ своего тяжкаго и мрачнаго быта

смогъ стать дѣйствительнымъ русскимъ правительствомъ, лишь онъ одинъ, по слову К. Леонтьева, „подморозилъ" загнивавшія воды революціоннаго разлива и подлинно

над самой бездной,
На высотѣ уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы...

3.

Побѣда надъ польскимъ шовинизмомъ открыла бы широкія перспективы передъ новой Россіей. Вновь прорубается окно въ Европу, наскоро замурованное политиками Версаля, и при томъ въ мѣстѣ, наиболѣе для нихъ одіозномъ.

Призракъ русско-германскаго сближенія, въ недалекомъ будущемъ могущаго привлечь къ себѣ и нѣкоторыя другія государства, становится, наконецъ, вполнѣ реальной угрозой Антантѣ и вполнѣ конкретнымъ козыремъ въ рукахъ русской власти. И если это сближеніе было бы немыслимымъ для всякаго ортодоксальнаго противобольшевистскаго русскаго правительства, по необходимости явившагося бы послушнымъ проводникомъ союзной воли, то оно представляется одной изъ легко осуществимыхъ возможностей для Совѣтской власти и для всякой другой, преемственно съ ней связанной или органически изъ нея выросшей.

Деникинъ въ прошломъ году не могъ иначе, какъ рѣзкимъ и „апріорнымъ" отказомъ, отвѣтить на заигрыванія Берлина. Ибо его армія всецѣло зависѣла отъ англичанъ. Прошлогодній Омскъ былъ тоже естественно обреченъ на исключительную и безсильную осторожность въ этомъ вопросѣ.

Москва въ нынѣшнемъ году находится въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи: — красная армія довлѣетъ себѣ и не зависитъ отъ милостей знатныхъ иностранцевъ. Надъ Совѣтской Россіей не тяготѣетъ рокъ „вѣрности вѣрнымъ союзникамъ" и ея международная политика обладаетъ счастливымъ свойствомъ дерзновенія и одновременно гибкости, совершенно недостижимыхъ для группъ, закономъ высшей мудрости которыхъ является бурцевская „Cause Commune"..

Достигшимъ невиданной внѣшней мощи, вооруженнымъ до зубовъ странамъ согласія теперь гораздо болѣе опасны бациллы внутренняго колебанія и волненія, нежели чужеземная военная сила. Какъ марсіане въ фантазіи Уэльса, побѣдивъ земной шаръ своими диковинными орудіями истребленія, гибнутъ отъ чуждыхъ имъ микробовъ земли, такъ нынѣшніе

мировые гегемоны, покоривъ человѣчество, вдругъ начинаютъ съ тревогой ощущать въ своемъ собственномъ организмѣ признаки разслабляющаго яда своеобразной психической заразы...

При такихъ условіяхъ, большевизмъ съ его интернаціональнымъ вліяніемъ и всюду проникающими связями становится нынѣ прекраснымъ орудіемъ международной политики Россіи, и слѣпы тѣ русскіе патріоты, которые хотѣли бы въ настоящій моментъ видѣть страну лишенной этого орудія какою бы то ни было цѣной. Безъ боязни особаго преувеличенія можно сказать, что Чичеринъ вольно или невольно оказываетъ современной Россіи услугу, аналогичную той, какую въ срединѣ прошлаго вѣка оказывалъ Англіи ея знаменитый министръ иностранныхъ дѣлъ, „лордъ поджигатель" Пальмерстонъ. Право же, пора бы намъ за эти годы разучиться быть сентиментальными и научиться слѣдовать въ нашихъ дѣйствіяхъ только велѣніямъ „разумнаго національнаго эгоизма"...

Въ нашихъ противобольшевистскихъ кругахъ теперь склонны чрезвычайно преуменьшать значеніе и роль „малыхъ государствъ", строющихъ свое бытіе на расчлененіи Россіи. Между тѣмъ такое преуменьшеніе глубоко ошибочно: дѣло, конечно, не въ этихъ уродцахъ на курьихъ ножкахъ самихъ по себѣ, но въ томъ, что за ними стоятъ великія державы Европы, заинтересованныя въ ослабленіи русскаго могущества. И „лояльные русскіе", получивъ свою власть изъ рукъ иностранцевъ, принуждены будутъ признать всѣ условія послѣднихъ. Не даромъ же наши парижскіе дѣятели упрекали Колчака и Деникина въ излишней щепетильности насчетъ принципа единства Россіи и категорически совѣтовали признать всякое окраинное „государство", если только оно посулитъ помощь въ борьбѣ противъ большевиковъ. *)

Лишь анемичной и безсильной можетъ быть въ настоящее время всякая русская власть, чуждая революціонной стихіи, не имѣющая въ своемъ распоряженіи принудительной силы революціонно звучащихъ лозунговъ. И всякая такая власть не устоитъ противъ центробѣжныхъ стремленій, разлитыхъ по разоренной и выбитой изъ колеи странѣ.

---

*) Ср. по этому поводу весьма поучительную прошлогоднюю переписку В. А. Маклакова съ екатеринодарскимъ Національнымъ Центромъ. Современный «расколъ» въ станѣ русскихъ патріотовъ есть не что иное, какъ продолженіе, обостреніе и углубленіе этого спора.

Большевистскій же централизмъ, лишь внѣшне скрашенный демагогіей „свободнаго самоопредѣленія народовъ", реально страшенъ живому поясу окраинныхъ карликовъ. И то національное дѣло, на которое „лояльному" русскому правительству, быть можетъ, понадобились бы многія десятилѣтія, нынѣ — правда, весьма „нелояльно" — обѣщаетъ быть исполнено въ несравненно болѣе короткій срокъ и съ меньшими жертвами.

Революціонный процессъ развивается у насъ органически. При такихъ условіяхъ, нашимъ Кобленцамъ, какъ и Вандеямъ, едва ли благоразумно разсчитывать на успѣхъ. Революціонная Россія осталась побѣдительницею, и уже въ самой себѣ найдетъ она силу преодолѣть уродливыя крайности своихъ первыхъ шаговъ и опытовъ. Переходъ отъ состоянія революціи къ нормальному государственному состоянію произойдетъ не вопреки и противъ революціи, а черезъ нее. Нынѣ уже наблюдаются первыя ласточки этого перехода (разрывъ Ленина съ „глупостями смольнаго періода"). Избѣжавъ 9 термидора, благодаря тактической гибкости большевистскихъ вождей, мы словно уже созрѣли до консулата. И если ужъ нужны аналогіи, всегда неточныя, грубыя и приблизительныя, то можно сказать, что нынѣшнія сраженія русской арміи на западномъ фронтѣ, по ихъ внутреннему смыслу, это уже не Вальми великой русской революціи. Это — ея Аркольскій Мостъ и Маренго.

Японія и мы.*)

1.

Вопросъ о русско-японскихъ отношеніяхъ является въ настоящее время для Россіи вопросомъ второстепеннымъ. Цѣлый рядъ другихъ проблемъ, острыхъ, насущныхъ, очередныхъ, стоитъ передъ центральною русскою властью, требуя немедленнаго разрѣшенія. Происходитъ страшная борьба за бытіе Россіи, какъ великой европейской державы, и поэтому событія у польскихъ границъ, на Кавказѣ и Средней Азіи (война и миръ съ Англіей) имѣютъ для страны несравненно большее значеніе, нежели современная жизнь ея дальневосточной окраины.

Но для насъ, русскихъ людей, пребывающихъ нынѣ на Дальнемъ Востокѣ, русско-японская проблема естественно представляется крайне „боевой" и чуть ли не заслоняющей собою остальныя. Она принудительно ставится передъ нами, навязывается намъ, и мы властно чувствуемъ потребность выработать свою точку зрѣнія на нее, опредѣлить свое отношеніе къ ней.

Вдумываясь въ объективную международную обстановку современности, нетрудно придти къ выводу, что **Японія при наличномъ соотношеніи міровыхъ силъ является естественнымъ другомъ и союзникомъ Россіи.** Отъ стараго русскаго имперіализма эпохи Александра III и перваго десятилѣтія царствованія Николая II теперь уже ничего не осталось. Центръ тяжести русской политики послѣ несчастной японской войны 1904—1905 годовъ былъ перенесенъ въ Европу, главнымъ образомъ, на Ближній Востокъ. Русско-англійское соглашеніе 31 августа 1907 года укрѣпило основу новаго курса, и онъ послѣдовательно проводился петербургскимъ правительствомъ вплоть до міровой войны, явившись одною изъ ея причинъ.

Революція, поколебавшая временно международный удѣльный вѣсъ Россіи, отнюдь не можетъ, однако, измѣнить того историческаго устремленія русской политики, которое было лишь эпизодически и довольно искусственно парализовано даль-

*) „Новости Жизни" 27 Іюля 1920 года.

невосточнымъ планамъ императора Александра III. **Задачи Россіи—въ Европѣ.** Это столь же вѣрно сейчасъ, какъ оно было вѣрно въ день предъявленія графомъ Пурталесомъ ультиматума С. Д. Сазонову. Больше того: теперь эта истина стала еще болѣе ясна и непререкаема. Лишь преодолѣвъ центробѣжныя настроенія своихъ европейскихъ окраинъ, Россія будетъ въ состояніи ставить передъ собою дальнѣйшія цѣли. Лишь возстановивъ свое вліяніе въ Европѣ, она можетъ разсчитывать на дѣйствительное свое государственное возрожденіе. Нынѣшнее московское правительство, повидимому, прекрасно это учитываетъ, и, будучи по своимъ особымъ соображеніямъ прежде всего заинтересовано Европой, ведетъ активную внѣшнюю политику именно въ направленіи возсозданія Россіи, какъ державы европейской по преимуществу. Несомнѣнно, въ силу обстоятельствъ окажется въ такомъ же положеніи и всякое русское правительство ближайшаго историческаго періода.

А разъ такъ: разъ агрессивность на Дальнемъ Востокѣ не нужна и невозможна для новой Россіи, у нея нѣтъ никакихъ основаній къ соперничеству или борьбѣ съ Японіей. Напротивъ, въ интересахъ обѣихъ странъ — ихъ возможно болѣе тѣсное взаимное сотрудничество и полное обоюдное пониманіе. Изъ всѣхъ странъ согласія при намѣчающейся послѣ войны международной перегруппировкѣ, Японія одна имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее закрѣпленіе дружбы съ Россіей. И этой дружбѣ, быть можетъ, пришлось бы сыграть огромную роль въ міровыхъ взаимоотношеніяхъ недалекаго будущаго.

2.

Однако, если мы отъ этихъ общихъ концепцій перейдемъ къ содержанію фактическаго положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ въ данный моментъ, то насъ тягостно поразитъ то обостренное взаимное недружелюбіе, которое характерно для теперешнихъ русско-японскихъ отношеній. Русскія массы восточной окраины до послѣдней степени раздражены японцами и настроены къ нимъ крайне недовѣрчиво, если не враждебно. Японцы въ свою очередь глубоко обижены и озлоблены на русскихъ и готовы считать ихъ врагами. Мнѣ самому приходилось неоднократно слышать отзывы японскихъ солдатъ: „всѣ русскіе — большевики“. А большевики подлежатъ уничтоженію.

Нѣтъ ничего прискорбнѣе сложившейся такъ обстановки. Ея историческіе корни, разумѣется, ясны. Они—въ прошло-

годней оріентаціи Японіи на ярко антибольшевистскіе русскіе элементы, вооруженной рукой мечтавшіе сокрушить большевизмъ. Эта оріентація была вполнѣ понятна и по своему законна въ прошломъ году, когда казалось, что правительство Колчака вотъ-вотъ будетъ признано міромъ въ качествѣ верховной власти всей Россіи. Но теперь, когда антибольшевистскіе элементы старой формаціи растворились въ новой русской атмосферѣ, когда „отмѣняются" въ высшемъ синтезѣ всѣ категоріи нашей гражданской войны, когда утрачивается мало по малу противоположеніе „бѣлой" и „красной" Россіи, уступая дорогу давно жданной „Россіи просто",- теперь и позиція нашей восточной сосѣдки должна бы потерпѣть соотвѣтствующія измѣненія.

Прошлогодняя оріентація въ нынѣшнемъ году есть не что иное, какъ излишнее пристрастіе къ политическимъ мертвецамъ, и воистину плохую услугу оказываетъ нынѣ Японіи болѣзненная некроманія ея извѣстныхъ круговъ.

Это старая истина—что международныя связи мало зависятъ отъ внутренняго строя тѣхъ или другихъ государствъ. Международные пути Россіи и Японіи имѣютъ тенденцію сойтись. И если для насъ по существу безразлично, кто правитъ Японіей—микадо, генро, парламентъ, военная партія или народъ, — то и для Японіи долженъ быть въ концѣ концовъ не такъ уже важенъ вопросъ о составѣ и образѣ русскаго правительства. И если даже страны Европы, значительно болѣе заинтересованныя въ крушеніи большевизма, нежели сильная, крѣпкая, дѣвственно—нетронутая Японія, готовятся вступить въ экономическую связь съ совѣтской Россіей, то отчего же и странѣ Восходящаго Солнца не послѣдовать этому примѣру? Вдобавокъ, и экономическое положеніе ея вовсе не таково, чтобы пренебречь возможностью мирнаго проникновенія на огромный сибирскій рынокъ.

Ясно, что большевики пойдутъ на самыя пріемлемыя уступки. Очевидно, что имъ сейчасъ совсѣмъ не до насажденія коммунизма въ Японіи и Кореѣ, и что съ этой точки зрѣнія они не могутъ быть страшны. Ясно, наконецъ, что теперь Японія можетъ безъ труда получить отъ нихъ всѣ нужныя ей вполнѣ реальныя гарантіи.

Въ чемъ же препятствіе?

3.

Если бы японское правительство нѣсколько осязательнѣе измѣнило свою прошлогоднюю оріентацію въ русскомъ вопро

сѣ, дѣло налаживанія русско-японской дружбы было бы значительно облегчено.

Въ настоящее время вопросъ въ его конкретной формулировкѣ гласитъ такъ: — какую власть въ „буферномъ“ государствѣ должна поддерживать Японія?

Было бы наивно отрицать, что въ настоящій моментъ она вольна насадить въ немъ любую желательную ей власть. Но вѣдь очевидно, что это не рѣшеніе вопроса. Правильное его рѣшеніе заключается въ томъ, чтобы найденная „авторитетная власть“ оказалась способной окончательно ликвидировать гражданскую войну въ краѣ, помочь жизни войти въ колею, а, главное, — привести Японію и Россію къ тѣсному взаимному сближенію, которое объективно возможно и выгодно обоимъ государствамъ.

Какова же должна быть эта власть? Самый неудачный отвѣтъ заключался бы въ томъ, что таковою должна быть власть формально и открыто японская (оккупація, аннексія). Несостоятельность этого отвѣта, повидимому, въ достаточной степени сознаютъ за, немногими исключеніями, и сами японцы. Во первыхъ, у нихъ самихъ не хватило бы силъ „переварить“ столь огромную территорію. Во вторыхъ, этотъ актъ уже безспорно поссорилъ бы ихъ навсегда съ Россіей создалъ бы „русскій ирридентизмъ“, что не входитъ въ ихъ разсчеты: все таки слишкомъ ужъ ясно, что Россія — не Корея. И недаромъ они такъ упорно увѣряютъ объ отсутствіи у нихъ аннексіонистскихъ намѣреній.

Такимъ образомъ, необходима власть русская. Какая же?

Формально большевистская (съ коммунистической программой) фактически исключена соотвѣтствующимъ шагомъ самихъ большевиковъ и явно выраженной волей токійскаго правительства. Остаются двѣ возможности: — власть „демократическая“, пребывающая въ мирѣ съ большевиками, но лишенная ихъ одіозной и утопичной экономической программы, и власть активно противобольшевистская, враждебная совѣтской Россіи. Какая же изъ двухъ?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо исходить изъ реальнаго соотношенія русскихъ силъ въ краѣ и въ Россіи вообще. И, учитывая это соотношеніе, приходится констатировать, что, при нынѣшнихъ условіяхъ всякую надежду на успѣхъ активно противобольшевистскаго правительства нужно оставить. По тѣмъ или другимъ причинамъ, населеніе Дальняго Востока въ настоящее время опредѣленно хочетъ прекращенія гражданской войны и возстановленія связи съ Россіей. Даже читинскіе камни завопили о гражданскомъ мирѣ (рѣчи въ краевомъ со-

вѣщанія). И таково настроеніе не только Дальняго Востока. Судя по всему, то же самое слѣдуетъ сказать и объ Европейской Россіи, гдѣ послѣ полнаго краха вооруженнаго противобольшевистскаго движенія, революція подъ напоромъ жизненной логики имѣетъ тенденцію претвориться въ нормальную государственность путемъ естественнаго и творческаго процесса преобразованія.

При такихъ условіяхъ, всякая власть съ идеологіей активной борьбы противъ совѣтской Россіи будетъ здѣсь ненавистною властью, и, кромѣ перманентнаго междоусобія, она ничего не создастъ. Вдобавокъ, она сможетъ держаться лишь японской военной поддержкою и падетъ въ тотъ день, когда этой поддержки не станетъ. Японскія войска принуждены будутъ втянуться въ постоянную борьбу съ недовольными элементами, возродится сопочная кампанія, красные отряды, подобно ртути, разбѣгутся по дикимъ сибирскимъ захолустьямъ и, питаемые помощью съ запада, возобновятъ свои набѣги, свой терроръ. И посылать противъ нихъ карательныя экспедиціи — значитъ заливать воду водой и огнемъ тушить огонь...

„Японская оріентація" выбитыхъ изъ жизни русскихъ группъ не несетъ ничего, кромѣ вреда, ни Россіи, ни Японіи, способствуя лишь ухудшенію русско-японскихъ отношеній. О, конечно, онѣ, эти группы, какъ гоголевская городничиха, „хоть сейчасъ готовы на всѣ услуги" по отношенію къ японскимъ притязаніямъ. Но врядъ-ли эта готовность, какъ „любовь мертвеца", способна что-либо дать живому организму...

4.

А между тѣмъ тѣ же самыя русскія массы, возгорѣвшіяся теперь стихійнымъ недружелюбіемъ къ японцамъ, могли бы видѣть въ нихъ своихъ друзей и добрыхъ союзниковъ. И время еще не упущено. Еще можно вернуть симпатіи новой Россіи къ ея восточной сосѣдкѣ, которой физическую и духовную мощь она познала въ своей борьбѣ съ нею 15 лѣтъ тому назадъ.

Это можно сдѣлать только однимъ способомъ: **установленіемъ откровенной и дружественной связи между Японіей и русскими демократическими, изъ революціи вышедшими, элементами Дальняго Востока.**

Ибо лишь признанная русскимъ центромъ демократическая группировка можетъ безболѣзненно ликвидировать гражданскую войну въ краѣ и послужить реальнымъ мостомъ между обѣими великими державами.

Никто изъ русскихъ не отрицаетъ спеціальной заинтересованности Японіи въ нашей дальневосточной окраинѣ. Предоставленіе ей извѣстныхъ концессій и экономическихъ льготъ было бы только справедливымъ признаніемъ ея національныхъ правъ. Россія нынѣ не въ силахъ сама эксплоатировать всѣ свои естественныя богатства, и тѣмъ болѣе немотивированной явилась бы ея неуступчивость въ сферѣ этого вопроса. Словомъ, экономическіе интересы Японіи будутъ достаточно обезпечены и при установленіи на Дальнемъ Востокѣ русской власти, національной по своему источнику, опирающейся на психологію широкихъ массъ и активныхъ элементовъ населенія.

Необходимо еще и еще разъ подчеркнуть, что теперешнее недружелюбіе широкихъ русскихъ массъ по отношенію къ Японіи вовсе не коренится въ природѣ вещей, а всецѣло объясняется лишь качествами нынѣшней японской политики, отставшей отъ быстро текущей жизни. Измѣнится, прояснится, сообразно жизненнымъ требованіямъ, эта политика, — устранится основное препятствіе на пути взаимнаго сближенія обѣихъ государствъ.

Два страха. *)

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Пословица.

Что станется съ Россіей отъ революціи? — Вотъ мучительный вопросъ для всякаго, кто ощущаетъ живую цѣнность русской культуры, и тѣмъ болѣе для всякаго, кто имѣетъ право и счастье считать эту культуру родною, „своей".

Что станется съ Россіей отъ революціи? — На пути разрѣшенія этой безконечно грандіозной проблемы и до углубленія въ ея подлинное существо приходится сталкиваться съ двумя довольно распространенными въ наши дни представленіями о характерѣ переживаемаго страною кризиса.

Во первыхъ, указываютъ на его глубоко разрушительныя тенденціи. Во вторыхъ, подчеркиваютъ его не національную природу, нерусскую основу.

Обоимъ этимъ взглядамъ мнѣ хочется нынѣ посвятить нѣсколько замѣчаній „культурно-историческаго" порядка, отнюдь не претендующихъ на какіе-либо конкретные выводы въ сферѣ злободневной практической политики.

1.

Въ самомъ дѣлѣ. Не есть ли крутящаяся надъ Россіей буря — сплошное разрушеніе, „чистое отрицаніе", безнадежно опустошительное, какъ порывъ осенняго вѣтра или деревенскій пожаръ въ знойный лѣтній день? Не есть ли она — гибель

*) „Новости Жизни" 13 августа 1920 года. Эта статья лишена конкретно-политическаго характера и не имѣетъ прямого отношенія къ чисто тактическимъ вопросамъ, обсуждаемымъ въ настоящемъ сборникѣ. Достаточно сказать, что оба ея тэзиса я поддерживалъ вполнѣ и въ прошломъ году, принимая въ то же время активное участіе въ „безпощадной" борьбѣ съ воплощеніемъ революціи-большевизмомъ. Однако, я считаю все же цѣлесообразнымъ включить ее въ сборникъ, ибо оспариваемыя ею точки зрѣнія нерѣдко выдвигаются нынѣ въ качествѣ аргументовъ въ пользу продолженія гражданской войны.

русской культуры или, въ лучшемъ случаѣ, тягчайшій ударъ по ней?

Естественный вопросъ современниковъ. Ибо они видятъ, какъ горятъ усадьбы, какъ умираетъ устоявшійся бытъ, такой очаровательный и благородный, какъ въ дни уличныхъ возстаній расхищаются любимые музеи, какъ тяжелый снарядъ разрывается на куполѣ Благовѣщенскаго кремлевскаго собора, какъ драгоцѣнности Зимняго Дворца продаются на заграничныхъ толкучкахъ, какъ исчезаетъ, спаленный пожаромъ, старый Ярославль... Ибо кромѣ того они воочію наблюдаютъ потрясающее опустошеніе въ рядахъ тѣхъ, кто по справедливости считался ими цвѣтомъ современной русской культуры. Они видятъ, какъ рука убійцъ поражаетъ Шингарева, Кокошкина, какъ въ кошмарныхъ условіяхъ изгнанія гибнетъ отъ нелѣпыхъ тифовъ длинная вереница виднѣйшихъ дѣятелей общественности и науки во главѣ съ Трубецкимъ, какъ одинъ за другимъ вырываются изъ строя русскими пулями популярнѣйшіе русскіе генералы, какъ покидаютъ родину лучшіе ея люди, какъ, наконецъ, умираютъ отъ голода Лаппо-Данилевскій, Розановъ и многіе, многіе другіе...

И они готовы, эти несчастные, измученные современники, всѣми словами, какія находятъ, проклинать налетѣвшій шквалъ, считать его безсмысленно разрушительнымъ, позорной болѣзнью, паденіемъ „когда-то великаго" народа..

Нельзя бросить камня въ измученныя души за эти сужденія, столь принудительно диктуемыя непосредственными впечатлѣніями окружающаго. Но врядъ-ли, однако, можно и считать такія сужденія голосомъ истины, правдиво и полно выражающимъ смыслъ переживаемыхъ событій: „чтобы увидѣть, высоко ли поднимаются башни въ городѣ, нужно выйти далеко за предѣлы городскихъ стѣнъ" (Ницше)..

Дѣло въ томъ, что самъ по себѣ фактъ разрушенія вовсе не есть какое-то абсолютное зло. Онъ становится зломъ, когда не сопровождается опредѣленнымъ творческимъ напряженіемъ, тѣмъ актомъ, который Бергсонъ называетъ „жизненнымъ порывомъ". Но такой порывъ присутствуетъ въ каждомъ крупномъ историческомъ движеніи.

Всякое великое историческое событіе сопряжено съ разрушеніемъ. И вообще-то говоря, культура человѣчества тѣмъ только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь, сгорая и возрождаясь, какъ фениксъ изъ пепла, поглощая порожденія свои, какъ Сатурнъ.

Разрушеніе страшно и мрачно, когда на него смотришь вблизи. Но если его возьмешь въ большой перспективѣ, оно — лишь неизбѣжный признакъ жизни, хотя, быть можетъ, и нѣсколько грустный признакъ: было бы лучше, еслибъ творчество не предполагало разрушенія, и, скажемъ, цѣнности языческой культуры мирно уживались рядомъ съ явленіями христіанства, а бытъ Людовика XIV съ атмосферою пореволюціонной свободы личности...

Но вѣдь этого нѣтъ и по условіямъ жизни земной, во времени протекающей, быть не можетъ. Взять хотя бы эти два случайно всплывшіе примѣра. Христіанская культура введенная въ міръ великою и мрачно прекрасною эпохою средневѣковья, начала съ того, что безжалостно сокрушила безконечное количество несравненныхъ памятниковъ древности. „Нашествіе варваровъ внесло гораздо меньше опустошеній въ сокровищницу древней культуры, нежели благочестивая ревность служителей христіанской Церкви" — говоритъ историкъ среднихъ вѣковъ Генрихъ Эйкенъ. Равнымъ образомъ, тотъ безгранично рафинированный, виртуозно изящный бытъ двора Людовика XIV, который съ такой любовью описанъ Тэномъ въ первомъ томѣ его труда, исчезъ навѣки, смытый революціей. Но вѣдь и средніе вѣка обогатили человѣчество потокомъ напряженнѣйшей и своеобразнѣйшей своей собственной культуры, и само нашествіе варваровъ положило начало новой исторіи, пріобщивъ свѣжіе народы къ разрушенной ими цивилизаціи, и французская революція внесла въ европейскую исторію самозаконный міръ своихъ цѣнностей, ставшихъ воздухомъ новаго человѣчества и прославивъ Францію навѣки.

Старый бытъ умираетъ, но не бойтесь—новая эпоха обрастетъ новымъ бытомъ, новой культурой. Благочестивые католики разрушили очаровательную древность, вдохновили и прославили убійцъ отступника Юліана и многихъ другихъ враговъ христіанства,—но не они ли подарили человѣчеству Бернарда Клервосскаго и Екатерину Сіенскую, Августина, Франциска, Данте?.. Великій Петръ ниспровергъ ладовый уютъ московской Руси, но не онъ ли заложилъ фундаментъ гранитной культуры петербургскаго великодержавія?.. Неистовства 93 года похоронили навсегда утонченные ароматы Версаля и старыхъ французскихъ помѣстій, но взамѣнъ не они ли дали міру „Микель Анжело на тронѣ" Бонапарта и пышный индивидуализмъ 19 вѣка? Войны Наполеона великія страданія принесли народамъ Европы, сокрушили много драгоцѣнностей въ Италіи, Германіи, Испаніи и другихъ странахъ, разрушили

старыя стѣны Московскаго Кремля и устраивали конюшни въ его храмахъ,- но развѣ не внесли онѣ въ міръ новыя прекрасныя цѣнности — отъ ренессанса героическаго цезаризма до „Войны и Мира“ Толстого включительно?...

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ...

„Все прекрасное трудно“ — утверждали греки. „Все прекрасное на землѣ требуетъ искупительныхъ жертвъ“ -сказало христіанство Голгофой. Все прекрасное достигается разрушеніемъ, страданіями, кровью.

„Исторія - не троттуаръ Невскаго проспекта“—любилъ говорить Н. Г. Чернышевскій.

Изъ всего этого отнюдь не вытекаетъ, конечно, что слѣдуетъ поощрять, а не сдерживать конкретныя проявленія стихійной разрушительной силы, характерной для „критическихъ“ эпохъ. Но изъ этого вытекаетъ, что подобныя проявленія не даютъ еще ни малѣйшаго права считать такія эпохи безплодными, злыми или постыдными.

Когда въ дни послѣдней войны нѣмцевъ упрекали за лувенскую библіотеку и реймскій соборъ,—они отвѣчали устами своихъ идеологовъ: —„Если геній Германіи восторжествуетъ въ мірѣ, онъ его обогатитъ новыми цѣнностями, передъ которыми померкнутъ пострадавшіе Реймсъ и Лувенъ“. - Отвѣтъ, достойный народа Гете и Вагнера, Гегеля и Бисмарка...

... Я уже готовъ предчувствовать негодующій гомонъ: „Что это? Воспѣваніе культурнаго варварства? Вандализмъ?“...

Пусть себѣ волнуются на здоровье. Никогда меня не трогали ни на волосъ всѣ эти филистерскіе жупелы и убогіе каноны въ шоры облеченныхъ интеллигентовъ, подобно „швабскимъ поэтамъ“, умѣющимъ гордиться лишь своимъ „цѣломудріемъ“...

———

И думается мнѣ, что подобно тому, какъ современный французъ на вопросъ „чѣмъ велика Франція“ вамъ непремѣнно отвѣтитъ: „Декартомъ и Руссо, Вольтеромъ и Гюго, Бодлэромъ и Бергсономъ, Людовикомъ XIV, Наполеономъ — и великой революціей, такъ и наши внуки на вопросъ „чѣмъ велика Россія“ съ гордостью скажутъ: —„Пушкинымъ и Толстымъ, Достоевскимъ и Гоголемъ, русской музыкой, русской

религіозною мыслью, Петромъ Великимъ *и великой русской революціей*"!

2.

Какое глубочайшее недоразумѣніе — считать русскую революцію не національной! Это могутъ утверждать лишь тѣ, кто закрываетъ глаза на всю русскую исторію и, въ частности, на исторію нашей общественной и политической мысли.

Развѣ не началась она, революція наша, и не развивалась черезъ типичнѣйшій русскій бунтъ, „безсмысленный и безпощадный" съ перваго взгляда, но всегда таящій въ себѣ какія то нравственныя глубины, какую то своеобразную „правду"? Затѣмъ, развѣ въ ней нѣтъ причудливо преломленнаго и осложненнаго духа славянофильства? Развѣ въ ней мало отъ Бѣлинскаго? Отъ чаадаевскаго пессимизма? Отъ печеринской (чисто русской) „патріофобіи"? Отъ герценовскаго революціоннаго романтизма („мы опередили Европу, потому что отстали отъ нея")? А писаревскій утилитаризмъ? А Чернышевскій? А якобинизмъ ткачевскаго „Набата" (апологія „инипіативнаго меньшинства")? Наконецъ, развѣ на каждомъ шагу въ ней не чувствуется Достоевскій, достоевщина — отъ Петруши Верховенскаго до Алеши Карамазова? Или, быть можетъ, оба они — не русскіе? А марксизмъ 90-хъ годовъ, руководимый тѣми, кого мы считаемъ теперь носителями подлинной русской идеи, — Булгаковымъ, Бердяевымъ, Струве? А, Горькій? А „соловьевцы" Андрей Бѣлый и Александръ Блокъ?..

Я могъ бы органическую связь каждаго изъ крупныхъ русскихъ интеллигентскихъ теченій прошлаго и нынѣшняго вѣка съ духомъ великой русской революціи подтвердить документально, и надѣюсь когда-нибудь это сдѣлать. Фактъ этой связи не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ бы его ни оцѣнивать, какъ бы къ нему ни относиться.

Мы переживаемъ теперь какое-то магическое оживотвореніе всей исторіи русской политической мысли на фонѣ глубокой болѣзни нашего государственнаго организма. И пусть образы этой мысли въ ихъ нынѣшней лихорадочной интерпретаціи нерѣдко похожи на бредъ, — все же это бредъ великаго народа, въ тысячу разъ болѣе содержательный и плодотворный, нежели здравое житіе всякаго рода дутыхъ карликовыхъ ничтожествъ, высыпавшихъ, подобно грибамъ, на нездоровомъ стволѣ современнаго человѣчества.

Нѣтъ, ни намъ, ни „народу" невмѣстно снимать съ себя прямую отвѣтственность за нынѣшній кризисъ — ни за темный,

ни за свѣтлый его лики. Онъ — нашъ, онъ — подлинно русскій, онъ весь въ нашей психологіи, въ нашемъ прошломъ, — и ничего подобнаго не можетъ быть и не будетъ на Западѣ, хотя бы и при „соціальной революціи“, внѣшне съ него скопированной..

И если даже окажется математически доказаннымъ, какъ это нынѣ не совсѣмъ удачно доказывается подчасъ, что девяносто процентовъ русскихъ революціонеровъ—инородцы, главнымъ образомъ, евреи, то это отнюдь не опровергнетъ чисто русскаго характера движенія. Если къ нему и прикладываются „чужія“ руки,—душа у него, „нутро“ его, худо ли, хорошо-ли, все же истинно русское, — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа.

Не инородцы революціонеры правятъ русской революціей, а русская революція правитъ инородцами революціонерами, внѣшне или внутренно пріобщившимися „русскому духу“ въ его нынѣшнемъ состояніи. Это—свойство всякаго подлинно великаго національнаго движенія. „Не люди двигаютъ революцію — говоритъ знаменитый французскій философъ реакціи Ж. де Мэстръ — революція пользуется людьми. Очень хорошо утверждаютъ про нее, что она идетъ сама собой“...

И глубоко упадочные, декадентскіе разговоры о какомъ-то инородческомъ „засиліи“ (въ смыслѣ духовнаго плѣненія) надъ нынѣшней Россіей являются, воистину, не только тягостнѣйшимъ, но и совсѣмъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ родины,

Логика націонализма*)

„Примиренческая" позиція по отношенію къ московскому правительству, усваиваемая, повидимому, все болѣе и болѣе широкими кругами русскихъ патріотовъ, мало-по-малу перестаетъ уже вызывать къ себѣ въ средѣ нашихъ правыхъ группировокъ ту зоологическую, слѣпую ненависть, какую она вызывала вначалѣ.

Если еще не такъ давно въ сторонникахъ этой позиціи хотѣли видѣть лишь безпринципныхъ перебѣжчиковъ, заботящихся лишь о своемъ личномъ благополучіи и стремящихся заискать у „новыхъ хозяевъ",—то теперь на страницахъ правой прессы, взамѣнъ брани, клеветъ и инсинуацій (или наряду съ ними) начинаютъ все чаще и чаще появляться и добросовѣстные, членораздѣльные аргументы противъ новой тактики, воспринимаемой русскими націоналистами. Съ нею считаются и не могутъ уже не признать, что она не лишена извѣстныхъ объективныхъ основаній.

При этомъ вопросъ все чаще и чаще съ плоскости чисто политической, особенно неблагодарной для защитниковъ иностранной интервенціи и продолженія гражданской войны, переносится ими въ плоскость общекультурную, гдѣ они надѣются взять реваншъ, могущій вполнѣ возстановить и поколебленную нынѣ событіями, традиціонную ихъ точку зрѣнія въ сферѣ практической политики. Въ такихъ случаяхъ ихъ аргументація начинается условнымъ предложеніемъ: — „пусть большевики даже и объединятъ Россію, но..." и т. д.

Въ Харбинѣ прокламированіе и защита „примиренчества" выпали преимущественно на долю пишущаго эти строки, и потому я не считаю себя вправѣ уклониться отъ дальнѣйшаго разъясненія этой позиціи въ связи съ принципіальными возраженіями, противъ нея выдвигающимися.

„Полемическая литература вопроса" настойчиво выдвигаетъ два тезиса, заслуживающіе спеціальнаго вниманія.

---

*) „Новости Жизни" 22 Августа 1920 года.

1.

Первое возраженіе. —Пусть большевики объединяютъ Россію, но развѣ похвально придавать столь существенное значеніе „топографическимъ очертаніямъ государственныхъ границъ"? Государство далеко не исчерпывается государственной территоріей, родина есть не „географическое понятіе", а живой организмъ. Потерянная территорія можетъ быть возвращена обратно, и не о ней нужно заботиться въ первую голову. Иначе мы впадаемъ въ какой то „топографическій національзмъ" (газ. „Свѣтъ", №№ 342, 391).

Не скрою, что мнѣ самому это возраженіе неоднократно приходило въ голову. Но оно отпадало всякій разъ, когда я начиналъ вдумываться въ природу государства и государственной культуры.

Дѣло въ томъ, что глубоко ошибается тотъ, кто считаетъ территорію „мертвымъ" элементомъ государства, индифферентнымъ его душѣ. Я готовъ утверждать, скорѣе, обратное: - именно территорія есть наиболѣе существенная и цѣнная часть государственной души, несмотря на свой кажущійся „грубо физическій" характеръ. Помню, еще въ 1916 году, отстаивая въ московской прессѣ идеологію русскаго имперіализма отъ наплыва упадочныхъ вильсоновскихъ настроеній, я старался доказать „мистическую" въ корнѣ, но въ то же время вполнѣ осязательную связь между государственной территоріей, какъ главнѣйшимъ факторомъ внѣшней мощи государства, и государственной культурой, какъ его внутреннею мощью. Эту связь я еще отчетливѣе усматриваю и теперь.

Лишь „физически" мощное государство можетъ обладать великой культурой. Души „малыхъ державъ" не лишены возможности быть изящными, благородными, даже „героичными", —но онѣ органически неспособны быть „великими". Для этого нуженъ большой стиль, большой размахъ, большой масштабъ мысли и дѣйствія, — „рисунокъ Микель-Анжело". Возможенъ германскій, русскій, англійскій „мессіанизмъ". Но, скажемъ, мессіанизмъ сербскій, румынскій или португальскій —это уже рѣжетъ ухо, какъ фальшиво взятая нота, это уже изъ той области, что французами зовется „le ridicule". Вы читаете Гегеля и Трейчке, нашихъ славянофиловъ, англичанина Крэмба—и чувствуете „подлинность" ихъ утвержденій и всемірныхъ —непремѣнно всемірныхъ! — притязаній, хотя нерѣдко съ ними не соглашаетесь. Но я вспоминаю, какой глубокой внутреннею фальшью звучали рѣчи польскихъ мессіанистовъ въ московскомъ религіозно-философскомъ обществѣ, когда

они объявляли свой народъ „избраннымъ" и предназначеннымъ къ великимъ какимъ-то. всемiрно—историческимъ свершенiямъ...

Но, быть можетъ, вовсе не территорiальный признакъ здѣсь наиболѣе существененъ? Такъ какой же?

Школьное государственное право учитъ, какъ извѣстно, что государство состоитъ изъ трехъ элементовъ:—власти, населенiя и территорiи.

Такъ можетъ быть, все дѣло въ первомъ элементѣ? Такой отвѣтъ былъ бы наиболѣе прiятенъ нынѣшнимъ ненавистникамъ Москвы.

Но, увы, онъ отъ этого не перестаетъ быть менѣе несостоятельнымъ. Исторiя являетъ намъ безконечныя свидѣтельства того, что форма власти менѣе всего отражается на размахѣ и „стилѣ" государственной культуры, хотя подчасъ и отражается въ извѣстной степени на ея конкретномъ, временномъ содержанiи. Римъ оставался Римомъ и подъ властью республики, и подъ верховенствомъ императоровъ. Въ исторической перспективѣ намъ не трудно установить, что такъ называемый „римскiй генiй" („душа" государства) отнюдь не перестаетъ быть самимъ собой отъ смѣны формъ верховной власти. Онъ блекнетъ лишь тогда, когда наносятся несокрушимые удары территорiи государства. Равнымъ образомъ, Францiя столь же нацiональна и велика въ Робеспьерѣ и Наполеонѣ, сколь въ Людовикѣ XIV, и лишь пораженiе Наполеона, вернувшее странѣ „богоустановленную" монархiю и твердокаменныхъ эмигрантовъ, но отнявшее у нея территорiальныя приращенiя, лишила ее вмѣстѣ съ ними и части души.

Вы скажете: „да вѣдь это же — слѣдствiе революцiи!" — Такъ давайте же стараться уберечь нашу революцiю отъ такихъ „слѣдствiй". Давайте, кто какъ можетъ, защищать страну отъ услужливыхъ иностранцевъ и твердокаменныхъ эмигрантовъ. Признавая поучительность историческихъ примѣровъ, не будемъ впадать въ ересь историческаго фатализма. Тѣмъ болѣе, что вѣдь не всякая революцiя влечетъ за собой неизбѣжно обезсиливающiе результаты:- вспомните Англiю и революцiонную диктатуру Кромвеля! Историческiе пути многообразны и въ значительной мѣрѣ обусловлены свободной человѣческой волей.

Итакъ, власть не можетъ считаться опредѣляющимъ элементомъ государственной культуры.

Населенiе? Да, конечно, культура государства порождается людьми, его населяющими. Но вѣдь сказать это—значитъ ничего не сказать. Чтобы стать источникомъ культуры дѣй-

ствительной и органической, „населеніе" должно превратиться въ „націю". А современная наука государствовѣдѣнія неопровержимо доказала, что „націи суть не естественныя, а историко-соціальныя образованія" (Еллинекъ), при чемъ опять-таки существеннѣйшимъ факторомъ ихъ рожденія являются условія „территоріальнаго" порядка, создающія непосредственно ихъ физическое благополучіе, экономическую мощь. Мы возвращаемся, слѣдовательно, къ исходному пункту. Для „міровыхъ стремленій" (свойство великой культуры) нужна великая нація, а великая нація не можетъ быть „малой народностью", хотя, съ другой стороны, разумѣется, не всякій большой народъ уже тѣмъ самымъ является вѣчно великой націей (ср. нынѣшній Китай).

Итакъ, всякій національзмъ, если онъ серьезенъ, долженъ быть прежде всего „топографическимъ". Для государственнаго дѣятеля, въ отличіе отъ военнаго стратега, „потеря территорій" есть всегда „потеря живой силы", отмираніе „части души". И утѣшаться легкомысленнымъ „не бѣда, вернемъ!", да еще при современномъ міровомъ положеніи, когда каждый потерянный клочекъ способенъ моментально завести себѣ новую „оріентацію" (Эстонія и Финляндія на Германію и Швецію, Грузія на Англію, Польша на Францію, Украина на Австрію или Польшу и т. д.), можно лишь при наличіи большой доли того безшабашнаго „ура-націонализма", который уже успѣлъ принести намъ столь много тяжкихъ разочарованій и глубокаго вреда.

И поэтому я считаю, что власть, нынѣ какъ будто завершающая объединеніе Россіи въ ея великодержавныхъ предѣлахъ, какова бы она ни была, заслуживаетъ въ этомъ своемъ дѣлѣ рѣшительной поддержки и сочувствія всѣхъ сознательныхъ русскихъ патріотовъ.

Когда два съ половиною года тому назадъ на засѣданіи брестской конференціи германскій министръ Кюльманъ съ тонкой усмѣшкой упоминалъ о „могущественной русской республикѣ" — слышать это намъ было больно и тяжко.

Когда же теперь въ палатѣ общинъ Ллойдъ-Джорджъ съ растерянной миной говоритъ о „великой совѣтской имперіи", право, слушаешь эти слова съ чувствомъ радостнаго душевнаго облегченія и даже не безъ ощущенія національной гордости...

2.

Но тутъ является второе возраженіе, развивающее и углубляющее первое. — Пусть большевики возстановятъ тѣло

Россіи, но они убиваютъ ея душу. Отрицая самую идею націонализма, они прививаютъ странѣ пагубныя ученія интернаціонала, вульгарнаго матеріализма и т. п. Подрывая основы русской культуры, они уничтожаютъ смыслъ существованія страны: „мы ненавидимъ большевистскую власть потому, что она подмѣнила Россію, денаціонализировала ее, гаситъ въ ней послѣднія искры національнаго генія“ („Свѣтъ“, 342).

Это возраженіе было бы основательнымъ, если бы оно не исходило изъ предвзятаго понятія о „національномъ геніи“, какъ о чемъ-то уже разъ навсегда опредѣленномъ, установленномъ и завершенномъ — будто содержаніе національной души есть какая то „вещь“, которую можно вымѣрить и вывѣсить.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Лишь у мертвыхъ народовъ, уже осуществившихъ сполна свою земную миссію, вложенныя въ нихъ „идеи“ застыли въ прозрачныхъ, „кристальныхъ“ формахъ. Но душа живого народа — не свершившійся фактъ, а непрерывно и творчески осуществляемая возможность, ключемъ бьющій потокъ непрестанно обновляемаго, діалектически развивающаго себя духовнаго содержанія. *).

А разъ такъ, то никогда не слѣдуетъ объявлять „ненаціональною“ новую власть страны за то, что ея идеологія круто расходится съ привычной идеологіей старой власти и нашей собственной идеологіей. Новое время выдвигаетъ новыя стороны національнаго лика страны, и недаромъ историки потомъ обычно устанавливаютъ, что несмотря на кажущуюся для современниковъ рѣзкую новизну и „ненаціональность“ новаго, оно корнями своими глубоко уходитъ въ старое и тѣсно связано съ нимъ. Это уже давно доказано по отношенію къ великой французской революціи (ср. хотя бы книгу Сорэля). Это же блестяще доказалъ В. О. Ключевскій относительно петровскаго переворота.

Я долженъ самъ категорически признать, что считаю оффиціальную „философію“ большевизма глубоко ложной и, такъ сказать, „еретической“. Экономическій матеріализмъ, какъ и всякій другой, есть, по моему мнѣнію, философія весьма невысокой марки, внутренно бѣдная и въ сферѣ чистой мысли опровергающая сама себя. Равнымъ образомъ, въ конечномъ счетѣ ложна и фальшива та религія человѣчества

---

*) Объ этомъ очень хорошо писалъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сборниковъ П. Б. Струве, (кажется, въ статьѣ «объ истинномъ національзмѣ»).

(„гуманизмъ“) и земного рая, которая питаетъ собою символъ вѣры политическихъ руководителей нашей революціи.

Но, во первыхъ, я знаю, что эти въ цѣломъ своемъ ложныя догмы своимъ конкретнымъ воплощеніемъ нерѣдко несутъ собою осуществленіе нѣкоторыхъ частичныхъ истинъ, имъ не чуждыхъ (по слову Вл. Соловьева, что всякое заблужденіе всегда содержитъ въ себѣ крупицу истины). Во вторыхъ, я не могу не видѣть, что эти догмы представляютъ собою крайнее выявленіе одной изъ сильнѣйшихъ струй русской культуры (Бѣлинскій и Писаревъ такіе же русскіе, какъ и Достоевскій, равно какъ „интернаціоналъ“ есть, несомнѣнно, искривленное отраженіе „всечеловѣчества“). И, наконецъ, въ третьихъ, я прекрасно вижу также, что процессъ революціи въ его полнотѣ значительно болѣе широкъ и глубокъ, нежели его „канонизированная“ идеологія, и вмѣщаетъ въ себя многія другія струи русской культуры, вплоть до соловьевскихъ.*)

Помимо того, историческій матеріализмъ почти столь же типиченъ для ортодоксальнаго большевизма, сколь для многихъ его политическихъ враговъ. Чтобы не ходить далеко (напр., въ Парижъ и Лондонъ), напомню, что даже здѣшній тишайшій „Русскій Голосъ“ нерѣдко печатаетъ статейки, изъ которыхъ, по чьему - то справедливому замѣчанію, „такъ и прётъ“ эта наукообразная теорія. А слѣдовательно, и борьба противъ послѣдней не можетъ отождествляться съ борьбою противъ русской революціи.

Такимъ образомъ, если мы перенесемъ проблему изъ чисто политической плоскости въ культурно — историческую, то неизбѣжно придемъ къ заключенію, что революція наша не „гаситъ“ русскаго національнаго генія, а лишь съ преувеличенной, болѣзненной яркостью, какъ всякая революція, выдвигаетъ на первый планъ его отдѣльныя черты, возводя ихъ въ „перлъ созданія“. Національный геній отъ этого не только не гасится, но, напротивъ, оплодотворяется, пріобрѣтая новый духовный опытъ на пути своего самосознанія.

И если содержаніе нынѣ преобладающаго мотива національной культуры представляется намъ далеко не лучшимъ произведеніемъ русскаго духа, то наша задача — не въ въ безнадежномъ брюзжаніи о мнимой „ненаціональности“ звучащей струны, а въ оживленіи другихъ струнъ русской лиры. Русская культура должна обновиться изнутри. Мнѣ кажется, что революція болѣе всего способствуетъ этому перерожде-

*) См. объ этомъ статью „Два страха“.

нію, и я глубоко вѣрю, что, геніально ожививъ традиціи Бѣлинскаго, она заставитъ Россію съ потрясающей силой пережить и правду Тютчева, Достоевскаго, Соловьева...

Но для этого — и здѣсь мы снова возвращаемся къ „политикѣ“ — Россія должна остаться великой державой, великимъ государствомъ. Иначе и нынѣшній духовный ея кризисъ былъ бы ей непосиленъ.

И такъ какъ власть революціи — и теперь только она одна — способна возстановить русское великодержавіе, международный престижъ Россіи, — нашъ долгъ во имя русской культуры признать ея политическій авторитетъ.

ВРАНГЕЛЬ. *)

„Помните всѣ, кто не можетъ мириться съ большевиками, что въ Крыму есть Врангель, который васъ ждетъ, у котораго найдется вамъ мѣсто“. — Такъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Врангель.

Еще держится этотъ уголокъ, нынѣ единственный во всей Россіи, гдѣ кучка „вѣрныхъ“ продолжаетъ съ мужествомъ отчаянія гибнуть за то, что она считаетъ національнымъ дѣломъ. Неудачи не смутили ее, она, какъ старая гвардія при Ватерлоо, умираетъ, но не сдается.

Если расцѣнивать эту картину съ точки зрѣнія эстетической, нельзя ею не любоваться. Они воистину прекрасны, эти благородные патріоты, умѣющіе умирать.

Но для родины, которую они такъ беззавѣтно чтутъ, было бы лучше, еслибъ они также умѣли жить. Они нужны ей нынѣ не для того, чтобы новыми каплями крови украсить ея терновый вѣнецъ, — она требуетъ отъ нихъ жизни, хотя, быть можетъ, и тяжелой, — а не смерти. Вѣдь она уже воскресаетъ, а они все еще видятъ ее только идущей на Голгофу...

* *
*

Есть нѣчто глубоко трагичное въ своеобразной ослѣпленности этихъ людей, въ односторонней направленности ихъ чувствъ и ихъ ума. Морально и политически осудивъ большевистскую власть, они уже разъ навсегда рѣшили, что она должна быть уничтожена мечемъ. И этотъ чисто конкретный выводъ они превратили въ своего рода кантовскій „категорическій императивъ“, повелѣвающій безусловно и непререкаемо, долженствующій осуществляться независимо отъ чего бы то ни было, „хотя бы онъ и никогда не осуществился“, — по „принципу ты можешь, ибо ты долженъ“. .

*) „Новости Жизни“, 15 Сентября 1920 года.

Но великій грѣхъ — смѣшеніе категорій чистой этики съ практическими правилами конкретной политической жизни, цѣликомъ обусловленной, относительной, текучей. Въ сферѣ путей политической практики никогда ни въ чемъ нельзя „зарекаться“, ибо въ нихъ нѣтъ ничего непререкаемаго. Сегодняшній врагъ здѣсь можетъ стать завтра другомъ, нынѣшній другъ — врагомъ (ср., напримѣръ, исторію международныхъ отношеній, а въ области внутренней политики — хотя бы исторію „блокировокъ“ политическихъ партій). Сегодня слѣдуетъ пользоваться однимъ методомъ для сокрушенія врага внѣшняго или внутренняго, завтра другимъ и т. д. Для патріота неподвиженъ лишь принципъ служенія родинѣ, — всѣ средства его воплощенія цѣликомъ диктуются обстоятельствами. Говоря языкомъ философскимъ, въ практической политикѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ „техническими правилами“, а не „этическими нормами“.

И если недопустимо придавать верховному этическому принципу условный, релятивный характеръ, то равнымъ образомъ и подчиненныя, техническія предписанія политики глубоко ошибочно и въ моральномъ отношеніи предосудительно превращать въ абсолютныя, непререкаемыя.

Романтизмъ въ политикѣ есть великое заблужденіе, вредное для цѣли, которую она должна осуществлять, — вредное для блага родины. Романтизмъ для политики есть такая же ересь, какъ релятивизмъ для логики или этики. Политическій романтизмъ, при всемъ его внѣшнемъ благообразіи, импонирующемъ малодушнымъ и плѣняющемъ легковѣрныхъ, на практикѣ превращается въ дурную, безнравственную политику, упрямое доктринерство, напрасныя жертвы... Онъ опровергаетъ самого себя, подрываетъ собственную основу.

Нравственная политика есть реальная политика. Идеализмъ цѣли, реализмъ средствъ — вотъ высшій догматъ государственнаго искусства. И другой, подобный ему, вытекающій изъ него: — единство конечной цѣли, многообразіе конкретныхъ средствъ.

* *

Бороться. Бороться мечемъ, хотя бы картоннымъ. Бороться во что бы то ни стало, до послѣдней капли крови. „Если бы я остался единственнымъ, я и то не положилъ бы меча передъ большевиками“ — говорилъ мнѣ недавно одинъ офицеръ, продѣлавшій всю гражданскую войну. „Лучше смерть,

чѣмъ большевики“. — Мнѣ кажется, что именно таково же настроеніе врангелевцевъ, по крайной мѣрѣ, лучшихъ изъ нихъ:

...Личины жъ не надѣну
Я въ свой послѣдній часъ..

Тутъ только психологія, и ни грана логики. Тутъ только индивидуально-этическія переживанія, и ни грана политики. Можно, если хотите, любоваться цѣльностью психологическаго облика этихъ людей, но ужасъ охватываетъ при мысли объ ихъ судьбѣ. Когда же вспомнишь, что они стремятся стать все-таки жизненнымъ факторомъ, что они не только соблазняютъ, но и насильственно увлекаютъ малыхъ сихъ, превращая ихъ въ орудіе своихъ безнадежныхъ мечтаній, что они ведутъ на безполезную смерть не только себя, но и другихъ: — хочется ихъ остановить, убѣдить, образумить, доказать существенную безнравственность ихъ пустоцвѣтнаго моральнаго подъема. Но... но „гдѣ говоритъ душа, тамъ уже молчатъ доказательства“. Они одержимы, эти русскіе интеллигенты, какъ въ свое время были одержимы ихъ родные братья, такіе же „смертники“, какъ нынѣ они, только „красные“, а не „бѣлые“: — воистину, „въ этомъ безуміи есть система“...

Революція подлинно революціонизировала Россію. Теперь даже такія глубоко „эволюціонистскія“ группы, какъ кадетская партія или осколки былого октябризма, словно не мыслятъ себѣ политики внѣ чисто революціонныхъ методовъ борьбы. Отброшены куда-то далеко старыя схемы и концепціи, и академичный кадетъ подъ ручку съ чиновнымъ октябристомъ послушно подпѣваютъ революціоннымъ руладамъ Бурцева, чувствующаго себя въ морѣ этихъ батальныхъ звуковъ, какъ старая рыба въ водѣ..

А между тѣмъ, кадетскимъ идеологамъ не мѣшало бы все-таки вспомнить старыя схемы и концепціи. Право же, многія изъ нихъ не такъ уже устарѣли. И особенно тотъ мудрый духъ „государственной лояльности“ и эволюціонизма, который по справедливости былъ фундаментомъ этой партіи, нынѣ крайне нуждался бы въ нѣкоторой реставраціи..

Бойтесь, бойтесь романтизма въ политикѣ. Его блуждающіе огни заводятъ лишь въ болото...

* *
*

Врядъ-ли не приходится признать, что въ сферѣ своего конкретнаго воплощенія эти романтическіе порывы являютъ

у насъ нынѣ зрѣлище, въ высокой мѣрѣ достойное сожалѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ. Насколько можно судить отсюда, есть что-то внутренно порочное, что-то противорѣчивое въ самомъ обликѣ врангелевскаго движенія, нѣчто такое, что съ самаго начала почти заставляетъ видѣть въ немъ черты обреченности.

Оно выбрасываетъ знамя гражданской войны и одновременно лозунгъ „широкаго демократизма“. По рецептамъ благонамѣренныхъ эсеровъ оно хочетъ править четыреххвосткой, и монолитную фигуру Ленина сокрушить вѣтеркомъ „четырехъ свободъ“. Увы, вѣдь у насъ уже былъ на этотъ счетъ почтенный опытъ самарскаго комуча и уфимской директоріи..

Дѣло въ томъ, что если демократизмъ крымскаго правительства серьезенъ и искрененъ, оно придетъ неизбѣжно къ отказу отъ гражданской войны. Если же оно захочетъ упорствовать, ему придется либо капитулировать передъ красной арміей и собственной демократіей, либо повторить 18 ноября и... пойти по пути Колчака и Деникина, только что осужденному исторіей.

„Не случайно — довелось мнѣ писать въ прошломъ году въ одной изъ наиболѣе „одіозныхъ“ иркутскихъ моихъ статей, — не случайно пришли мы въ процессѣ гражданской борьбы къ диктатурѣ. Не случайно осуществлена она и на югѣ, и на востокѣ Россіи, при чемъ на югѣ въ формѣ болѣе чистой, чѣмъ на востокѣ. Не случайно въ центрѣ Россіи уже болѣе двухъ лѣтъ держится власть, порвавшая со всѣми притязаніями формальнаго демократизма и представляющая собою любопытнѣйшее въ исторіи явленіе законченной диктатуры единой партіи.“

Я вполнѣ поддерживаю этотъ тэзисъ и сейчасъ. Да, гражданская война есть мать диктатуры, и, признавъ одну, вы принуждаетесь принять другую. Четыреххвосткою не прогнать на внутренніе фронты людей убивать своихъ соотечественниковъ, какъ не создать и той исключительной волевой напряженности, которая необходима для власти гражданской войны.

И если ген. Врангель можетъ еще щегольнуть своимъ демократизмомъ въ Крыму, поскольку его „народъ“ состоитъ изъ кадровъ испытанныхъ, заматерѣлыхъ бѣженцевъ, то стоитъ ему только выйти изъ своей „конуры“ на россійскіе просторы, какъ демократическая мантія его государственности поблекнетъ, съежится и распадется въ прахъ. Она, повидимо-

му, и такъ довольно эфемерна эта мантія, и недаромъ въ Парижѣ уже появляются упрямые мальчики, утверждающіе, что крымскій король насчетъ демократизма голъ..

Что же касается „демократической программы" („Учредит. Собраніе", „надѣленіе крестьянъ землей" и проч.), то вѣдь и адм. Колчакъ широко „развертывалъ" таковую. Добрыхъ желаній въ Омскѣ и Екатеринодарѣ было, право же, не меньше, чѣмъ теперь въ Севастополѣ. Дѣло не въ программѣ власти, а въ ея конкретной основѣ, „реальномъ базисѣ". А конкретная основа Врангеля мало чѣмъ отличается отъ деникинской, и не можетъ отличаться отъ нея, независимо отъ чьего бы то ни было желанія, — въ силу объективнаго положенія вещей. Тѣ же привычки, тѣ же люди.

Второй „козырь" крымскаго правительства, долженствующій выгодно отличать его отъ прошлогодней власти Деникина, это — необычайная терпимость его ко всѣмъ мелкимъ народцамъ, которымъ оно, какъ Богъ нашимъ прародителямъ, настойчиво рекомендуетъ „плодиться и размножаться".

Но эта тактика съ одной стороны лишаетъ его симпатій многихъ русскихъ націоналистовъ, не раздѣляющихъ „федералистскихъ" точекъ зрѣнія на будущее Россіи и оптимизма касательно грядущаго автоматическаго возсоединенія съ ней ея отпавшихъ окраинъ. Съ другой стороны, она мало импонируетъ послѣднимъ, политика которыхъ предусмотрительно предпочитаетъ оріентироваться не на крымскую конуру, а на европейскіе центры. А тотъ фактъ, что врангелевскія декларацiи всевозможныхъ „самоопредѣленій" подписываются его министромъ иностранныхъ дѣлъ Петромъ Бернгардовичемъ Струве, уже окончательно подрываетъ всякую авторитетность подобныхъ документовъ. Столпъ идеологіи русскаго великодержавія, вѣрный рыцарь Великой Россіи, „новый Катковъ", какъ его, бывало, съ озлобленіемъ звали самостійники всѣхъ сортовъ, — и вдругъ этотъ ультра - вильсоновскій благовѣстъ, разсылающій воздушные поцѣлуи каждому звену наброшенной на Россію живой цѣпи.. Опасная игра, едва ли стоющая свѣчъ. Бѣлыми нитками шитое лукавство, рискующее печальнымъ финаломъ.

П. Б. Струве — въ качествѣ покровителя „самоопредѣленія". А. В. Кривошеинъ — въ качествѣ „искренняго демократа". Блаженъ, чьи ясные взоры лоснятся умиленіемъ, лаская голубой туманъ крымскихъ горизонтовъ..

* * *

Ген. Врангель отказался пожать протянутую руку Брусилова, хотя она была протянута во имя Россіи. И не только отказался, но въ отвѣтъ на призывъ примиренія, согласно рекомендаціи французскаго генеральнаго штаба, двинулъ свои войска на помощь полякамъ, чѣмъ, повидимому, не только пролилъ достаточно русской крови, но и спасъ Варшаву.

Врангель, какъ Брутъ, несомнѣнно, честный человѣкъ. Но, повидимому, онъ принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, которыя, поставивъ себѣ цѣлью выкачать воду изъ ванны, готовы это сдѣлать, хотя бы вмѣстѣ съ водой пришлось выплеснуть оттуда и ребенка. „Большевизмъ долженъ быть уничтоженъ мечемъ„ — таковъ категорическій императивъ. И если даже злодѣйка—жизнь въ данный моментъ причудливо соединяетъ голову большевистской гидры съ головою родины, мечъ мстителя будетъ рубить попрежнему сплеча: — родина для этихъ увлеченныхъ боемъ людей заслонена ненавистнымъ большевизмомъ.

И они соединяются съ врагами и завистниками Россіи, творятъ волю наслѣдниковъ Биконсфильда, авгурски смѣющихся надъ ними. Они, несомнѣнные патріоты, превращаются въ орудіе союзныхъ рукъ, сегодня поощряющихъ ихъ порывы, а завтра предающихъ ихъ, какъ Колчака. Странное дѣло, — ихъ гордость не мѣшаетъ имъ скользить по скользкимъ паркетамъ парижскихъ министерствъ, несмотря на Одессу, несмотря на Иркутскъ... Неужели же они ничего не забыли и ничему не научились?

Увы, ихъ путь фатально безславенъ, каковы бы ни были они сами. При настоящемъ положеніи вещей, ихъ доблесть столь же нужна странѣ, сколь доблесть чужеземца. Въ концѣ концовъ ихъ сходство съ наполеоновской гвардіей у Ватерлоо оказывается нѣсколько „формальнымъ“: — та до конца спасала Францію отъ иностранцевъ, а они до конца спасаютъ иностранцевъ отъ „безумной“ Россіи, думая, что спасаютъ Россію отъ безумія. Столь же формальнымъ получается ихъ сходство съ Михайлой Рѣпнинымъ: — они отталкиваютъ московскія личины, но зато усиленно облекаются въ заморскія, бусурманскія. Тутъ они, скорѣе уже, напоминаютъ кн. Курбскаго...

Нѣтъ, нѣтъ, не они, націоналисты, творятъ нынѣ національное дѣло, а полки центра подъ ненавистными красными

знаменами. Ничего, — трехцвѣтное знамя французской революціи тоже вѣдь въ свое время объявлялось исчадіемъ ада, и это не помѣшало ему, однако, обойти потомъ всю Европу и покрыть родину славой, вполнѣ искупившей позоръ бурбонскихъ лилій, кончившихъ дни свои въ грязи большой европейской дороги подъ колесами иностранныхъ колесницъ..

* * *

Такъ что же, — итти въ Каноссу? — Опять старая тема.

О, конечно, много терній и на пути соглашенія съ большевиками, вѣрнѣе, признанія ихъ. Не слѣдуетъ скрывать этого. Лишь люди, не испытавшіе на себѣ практику зрѣлой коммунистической жизни могутъ обольщаться ею. — Но вѣдь иного выхода сейчасъ нѣтъ. Гражданская война, какъ показалъ опытъ, не только не губитъ эту ненавистную коммунистическую практику, но, напротивъ, питаетъ ее собою, укрѣпляетъ худшія ея стороны и, безжалостно истощая страну, разжигаетъ лишь злорадные взоры иностранцевъ.

Помню, когда сверхъ естественно голодающая, терроризованная Пермь переживала мучительные дни неопредѣленности, когда сегодня приходили вѣсти о продвиженіи бѣлыхъ на Пермь, а завтра о наступленіи красныхъ на Екатеринбургъ, когда каждый успѣхъ бѣлыхъ отражался усиленіемъ террора, новыми казнями, — измученное населеніе, отчаиваясь въ освобожденіи, охватывалось однимъ преобладающимъ чувствомъ: „одинъ бы конецъ — только бы ушелъ кошмаръ этой прифронтовой жизни, этой военной саранчи, этой убійственной атмосферы гражданской войны"..

Повторяю еще и еще разъ, путь примиренчества — тоже трудный, жертвенный путь, не сулящій какихъ-либо немедленныхъ чудесъ. Но онъ настойчиво требуется теперь интересами страны. Ликвидируя организованную контръ-революцію, онъ ликвидируетъ и революцію внутри государства, сведя ее къ эволюціи. Онъ одинъ создастъ условія, способствующія постепенному изживанію изъяновъ современнаго русскаго быта. Онъ одинъ убережетъ страну отъ засилія иностранщины. Наконецъ, онъ неизбѣжно облагородитъ обликъ государственной и, главное административной власти, столь нуждающійся въ облагороженіи. Пора разстаться съ деморализующимъ революціоннымъ лозунгомъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше".

Нужно во имя государства теперь итти не на смерть отъ своихъ же пуль, какъ врангелевцы, а, какъ Брусиловъ и ты-

сячи офицеровъ и интеллигентовъ, — на подвигъ сознательной жертвенной работы съ властью, во многомъ намъ чуждой, многимъ насъ отъ себя отталкивающей, богатой недостатками, но единственной, способной въ данный моментъ править страною, взять ее въ руки, преодолѣть анархизмъ усталыхъ и взбудораженныхъ революціей массъ и, что особенно важно, умѣющей быть опасной врагамъ.

Чѣмъ скорѣе исчезнутъ съ лица Россіи послѣдніе очаги организованнаго повстанчества, послѣ Омска и Екатеринодара утратившіе всякій положительный смыслъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ обезпечено дѣло нашего національнаго возрожденія, о которомъ всѣ мы мечтаемъ. Путь въ Каноссу, такимъ образомъ, окажется путемъ въ Дамаскъ.

Если бы крымская Вандея (увы, все-таки, повидимому, Вандея!) завершилась не новыми потоками русской крови, а добровольнымъ „обращеніемъ" Врангеля, его отвѣтнымъ привѣтомъ Брусилову, — какой бы это былъ праздникъ, какое бы это было національное счастье!

Зеленый шумъ*)

Уже самые злѣйшіе враги большевистскаго правительства не вѣрятъ нынѣ возможности его сверженія организованной и, такъ сказать, „государственнообразною“ силою, за отсутствіемъ таковой на русской территоріи: — послѣ крушенія „всероссійскихъ“ тенденцій Колчака и Деникина бѣлое движеніе, какъ извѣстно замкнулось въ узко провинціальныя, „областническія“ формы.

Но на мѣсто организованнаго противосовѣтскаго движенія, осѣненнаго положительной идеологіей и снабженнаго аппаратомъ власти, „непримиримые“ выдвигаютъ теперь новый реальный факторъ: — стихійныя крестьянскія возстанія, „зеленую“ волну „народнаго“ негодованія и борьбы.

Какъ долженъ отнестись къ этому фактору сознательный русскій націоналистъ и патріотъ, чуждый предвзятости и политическаго догматизма?

I

Трудно, тяжело живется въ Россіи. Ея экономическое состояніе убійственно, война и революція потрясли государственное хозяйство въ корнѣ. И при современныхъ условіяхъ длящейся внѣшней, а отчасти и внутренней войны, положеніе, повидимому, не улучшается, а ухудшается. Коммунистическіе эксперименты съ своей стороны вносятъ добавочныя осложненія.

Судороги массоваго недовольства и ропота, дѣйствительно, пробѣгаютъ по несчастной, изстрадавшейся странѣ. Мы недостаточно информированы, чтобы знать ихъ истинные размѣры, но согласимся предположить, что, усилившись, онѣ могутъ превратиться въ новый эпилептическій припадокъ, новую революцію.

Что если это случится?

Могу сказать одно: — слѣдовало бы рѣшительно воздержаться отъ проявленій какой-либо радости на этотъ счетъ

*) „Новости Жизни“, 25 Сентября 1920 года.

(„сломили-таки большевиковъ“). Такой конецъ большевизма таилъ бы въ себѣ огромную опасность, и весьма легкомысленны тѣ, кто готовится уже глотать каштаны, поджаренные мужицкою рукой: — счастье этихъ оптимистовъ, если они не попадутъ изъ огня да въ полымя.

„Есть нѣчто худшее, чѣмъ дурная власть — говорилъ нѣкогда Тэнъ: — это — уничтоженіе власти“. А поглощеніе московскаго правительства зеленой волною было бы именно такимъ самодовлѣющимъ уничтоженіемъ власти, потрясающимъ торжествомъ неслыханной анархіи. Лекарство въ результатѣ оказалось бы во много разъ опаснѣе, хуже болѣзни, которую оно будто бы стремилось излечить. Прибавьте еще, — болѣзни, уже неизбѣжно изживающей себя, проходящей „безъ сильныхъ лекарствъ“, подъ вліяніемъ „цѣлительной силы природы“...

Россія хлебнула свободы, и народъ помнитъ эти блаженные глотки. Въ головѣ у него еще шумитъ, хотя хмельную чашу скоро отняли отъ него и разлившіяся, подобно морямъ, рѣки опять вогнали въ берега. — Но что если снова порвутся шлюзы, уступивъ напору прекрасныхъ воспоминаній, укрѣпленныхъ горечью настоящаго?

При нынѣшнихъ условіяхъ, это будетъ означать, что на мѣсто суровой и мрачной, какъ духъ Петербурга, красной власти придетъ безгранная анархія, новый пароксизмъ „русскаго бунта“, новая разиновщина, только никогда еще небывалыхъ масштабовъ. Въ песокъ распадется гранитъ невскихъ береговъ, „оттаетъ“ на этотъ разъ уже до конца, до послѣднихъ глубинъ своихъ, государство россійское —

И слягутъ бронзовые кони
И Александра, и Петра...

О, конечно, пѣвцамъ русскаго духа будетъ много прекрасной пищи и въ этомъ безбрежномъ разливѣ, поэты сумѣютъ оцѣнить очарованіе родимаго хаоса и новый Блокъ напишетъ новые „Двѣнадцать“. Конечно, воскресшая разиновщина, какъ всякое „подлинное“ русское движеніе, какъ самъ большевизмъ, будетъ, при всемъ ея ужасѣ, величественна и по своему „интересна“.—Но не окажется ли она на этотъ разъ траурнымъ мавзолеемъ надъ исторіей русскаго могущества, надъ Великой Россіей?

„Туманъ поглотилъ Мѣднаго Всадника“. Сорвалась желѣзная узда, хлынули родные просторы... „Они ее породили, они ее и убьютъ“...

Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія. Россія моя!
(А. Бѣлый).

Дѣло въ томъ, что красный имперіализмъ есть послѣдній крикъ русскаго великодержавія. Если онъ будетъ задушенъ, не будучи усвоенъ, — кончитъ свои дни и оно. Этого у насъ сейчасъ трагически не понимаютъ, за „бытомъ“ красной Россіи игнорируя ея душу“. Но тѣмъ не менѣе это такъ. Недаромъ же и сама идеологія современнаго воинствующаго антибольшевизма перешла къ упадочной проповѣди всевозможныхъ „самоопредѣленій“, попросту говоря, раздробленія государства и, какъ слѣдствіе, отказа отъ великодержавныхъ задачъ.

Еще весною прошлаго года П. Б. Струве прислалъ изъ Парижа въ Омскъ пишущему эти строки слѣдующія золотыя слова:

— Самое пристальное вниманіе и здѣсь, и въ Россіи должно быть обращено на противодѣйствіе силамъ, стремящимся закрѣпить слабость и расчлененіе Россіи. **Борьба съ большевизмомъ не можетъ вестись за счетъ силы и единства Россіи.**

Я досселѣ свято помню и незыблемо храню этотъ драгоцѣнный завѣтъ давнишняго властителя моихъ политическихъ думъ. Но самъ онъ нынѣ словно отрекается отъ этого завѣта, измѣняетъ ему, ради борьбы съ большевизмомъ, ставшей самоцѣлью, поощряя всяческіе сепаратизмы, менажируя кавказскія „государства“, помогая Польшѣ, вступая въ разговоры даже съ Петлюрою, даже чуть-ли не уступая румынамъ Бессарабію .. Грустно.

На что же надѣяться и что дѣлать націоналистамъ Великой Россіи, желающимъ до послѣдней минуты, до послѣдней возможности остаться вѣрными себѣ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ? — Вся „устряловщина“ (мѣстный харбинскій терминъ) и есть попытка отвѣта на этотъ роковой вопросъ.

II.

На дняхъ довелось мнѣ услышать разсказъ объ одной изъ вспышекъ крестьянской „войны“ въ Сибири. — Возставшіе крестьяне напали на нѣкій западно-сибирскій городокъ, пользуясь отсутствіемъ достаточной охраны, овладѣли имъ. Ловили комиссаровъ, кое-кого поймали, тутъ же ихъ зарѣзали. Убили попавшихся подъ руку евреевъ. Затѣмъ учинили погромъ во

всемъ городѣ. Громили лавки, громили дома, громили что попало. Жгли, любуясь „иллюминацiей". Потомъ ушли во-своя-си. Словомъ „картина Николаевска на Амурѣ". Дѣйствовали при этомъ, конечно, и корыстные мотивы, но участвовалъ и какой-то общiй, „принципiальный":—„всѣ города разгромить надо, съ землей сравнять, — и разгромимъ; только тогда и житье будетъ".

Вотъ нынѣшнiй „антибольшевизмъ". Его зачатки были намъ знакомы по деревенскимъ волненiямъ прошлаго года въ Сибири, по экзотической вольницѣ Щетинкина, по лозунгамъ алтайскихъ и тарскихъ повстанцевъ. Онъ—родной братъ красной партизанщины, внутренняя сущность ихъ одна:—нежеланiе какой бы то ни было власти надъ собою, признанiе высшею властью „себя", т. е. вотъ этотъ отрядъ, хозяйничающiй въ этой мѣстности. Въ западно-сибирскихъ Тряпицыныхъ эта струя проявляется, повидимому, не менѣе ярко, нежели въ амурскомъ, даромъ что „фирмы" ихъ различны. Но суть не въ фирмѣ.

Воистину, онъ страшенъ, такой „антибольшевизмъ", и страшенъ не только для большевиковъ, но еще больше для страны и, ужъ конечно, для ея интеллигенцiи. Выведенная изъ колеи „родного долготерпѣнья", сбросивъ оковы вѣковой дисциплины, взбудораженная революцiей, озлобленная деревня съ дикими лозунгами вродѣ „долой коммунистовъ, да здравствуютъ совѣты" (свидѣтельство Куприна), получивъ возможность, угрожающей лавою ринется на города, и повѣрьте, что вмѣстѣ съ безсмысленными еврейскими погромами начнутся и погромы интеллигенцiи, просто горожанъ, просто городскихъ зданiй,—всего, что связано съ городскою культурой Предлоги всегда найдутся, да они часто и не нужны.

Въ свое время Наполеонъ прекрасно оцѣнилъ природу подобныхъ движенiй, когда брезгливо заявилъ, что онъ, „не хочетъ быть королемъ жакерiи". А наша обезумѣвшая реакцiя готова ухватиться за все, даже за жерновъ, который вмѣстѣ съ нею грозитъ увлечь ко дну и самую родину...

Наивно думать, что такое хаотическое движенiе мести, голода и негативнаго революцiоннаго угара можетъ войти въ русло „врангелизма" или иной конкретной и твердой власти. Смѣшно надѣяться, что на немъ что-либо мыслимо „построить". Оно враждебно всякой власти, и всякая власть будетъ страдать отъ него. Если это недоступно пониманiю эсеревскаго „цика",—то неужели этого не сознаютъ и мудрые лидеры кадетовъ?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что интеллигенты, провоцирующіе и поощряющіе анархическое бунтарство деревни, въ случаѣ его успѣха немедленно же окажутся въ положеніи восточнаго мага, сумѣвшаго вызвать духъ, но безсильнаго съ нимъ управиться. Повторится начало нашей революціи. Реакція придетъ въ самый нелѣпой и разрушительной формѣ, и не оздоровитъ, а лишь еще болѣе расшатаетъ расшатанный революціей государственный организмъ. „Либералы“ наши, разумѣется, ужаснутся, но, какъ всегда, слишкомъ поздно. Нѣтъ, нѣтъ, не о такой реакціи долженъ заботиться разумный русскій націоналистъ.

„Стало быть, вы не вѣрите въ народъ, въ его здравый смыслъ“.—О, я очень предвижу этотъ демагогическій вопросъ дурного тона. Но я не боюсь его, какъ не боялся когда имъ меня „гвоздили“ слѣва.

Народное творчество многообразно, оно выражается вѣдь не только непосредственно, въ стихійныхъ, анархическихъ порывахъ массъ, но и въ той власти, противъ которой они направлены. Власть представляетъ собою всегда даже болѣе вѣскій продуктъ народнаго „генія“, нежели направленныя противъ нея бунтарскія стрѣлы. Ибо она есть, такъ сказать, „окристаллизовавшійся“ уже, осознавшій себя народный духъ, въ то время какъ недовольство ею, да еще выраженное въ такихъ формахъ („равняй города съ землею“), должно быть признано обманомъ или темнымъ соблазномъ страдающей народной души. Поэтому, и въ оцѣнкѣ спора власти съ бунтомъ противъ нея слѣдуетъ быть свободнымъ отъ „киванія“ на „народную волю“. Эта икона всегда безлика или многолика. Нетрудно было бы дополнить эти соображенія ссылкою на знаменитое въ наукѣ государственнаго права противоположеніе „воли государства“ и „воли народа“...

Не можетъ быть мѣриломъ истины стихійный, разрушительный порывъ, охватывающій нынѣ нѣкоторую часть нашихъ уставшихъ деревенскихъ массъ. Сами онѣ не вѣдаютъ, что творятъ, какъ не вѣдали этого три года тому назадъ, бросая національный фронтъ во имя „хлѣба мира и земли“. Я вѣрю въ здравый смыслъ народа, но не ищу его въ его конвульсіяхъ, въ его бунтарствѣ отчаянія, въ его опьяненіи безвластіемъ.

Изъ всего этого еще не слѣдуетъ, конечно, что большевистская власть хороша. Но изъ этого слѣдуетъ, что поощреніе погромной, анархической волны, поднимающейся въ Россіи,—дурно, безсмысленно и прежде всего непатріотично.

Пускай эпигоны славянофильства, усвоившіе изъ этого глубокаго движенія русской мысли лишь его шелуху, теоретизируютъ на тему о „мужицкомъ царѣ“, рождающемся, копируя Афродиту, изъ волнъ взбаломученнаго народнаго моря. Но жизнь не имѣетъ ничего общаго съ этими фантазіями, и меньше всего къ зеленой партизанщинѣ удастся примазать царя, сфабрикованнаго за границей. Трезвый учетъ положенія говоритъ иное.

Успѣхъ погромной волны имѣлъ бы слѣдствіемъ неслыханныя національныя потрясенія. „Слабость и расчлененіе Россіи“ были бы рѣшительно закрѣплены. На преодолѣніе анархическаго распада потребовались бы долгіе, долгіе годы. Но и то — былое единство не возсоздалось бы, процессъ возстановленія государственныхъ тканей пошелъ бы другими путями, боковыми, провинціальными. Восторжествовалъ бы „федерализмъ“ въ худшихъ его формахъ, ослабляющій, убивающій національно-государственный „эросъ“, раздробляющій напряженность національной культуры.

Великая Россія окончательно превратилась бы въ мѣсиво „освободившихся народностей“ съ „независимой Сибирью“ на востокѣ, „самостійной Украиной“ и „свободнымъ Кавказомъ“ на югѣ, „великой Польшей“ и десяткомъ „меньшихъ“ народностей на западѣ.

Какъ великая держава, Россія умерла бы. Надолго, если не навсегда. Оборвалась бы традиція Калиты.

III.

„Но все равно это будетъ — хотите вы этого или не хотите. Большевизмъ обреченъ, періодъ анархіи неизбѣженъ“.

Для меня еще далеко не доказано, что это будетъ „съ неизбѣжностью солнечнаго затменія“. Конечно, экономическая разруха не способствуетъ укрѣпленію власти, а система насильственнаго коммунизма значительно тормозитъ преодолѣніе экономической разрухи. Но, во-первыхъ, силы, ополчающіяся нынѣ на правительство революціи, покуда еще слишкомъ слабы для его ниспроверженія, а, во-вторыхъ, улучшенія ряда политическихъ условій можетъ благотворно воздѣйствовать на экономическое состояніе страны и на самый обликъ совѣтской власти.

Прекращеніе польской войны, новая „передышка“, снятіе союзной блокады, ликвидація южнаго фронта, разрѣшеніе

дальневосточнаго вопроса,—эти далеко не невозможные факты, безспорно, не замедлили бы отразиться на внутреннемъ состояніи страны. И очевидно, что каждый сознательный патріотъ долженъ нынѣ прилагать всѣ усилія, чтобы эти факты осуществились. Не расшатывать существующую власть передъ лицомъ угрожающей анархіи должна русская общественность, а укрѣплять эту власть, влиться въ нее, дабы спасти государство, себя и „народъ", который въ преходящей ярости своей, подобно библейскому Самсону, готовъ погубить душу свою вмѣстѣ съ филистимлянами.

Революціонная Франція оздоровилась черезъ центръ. Центръ справился съ экономической разрухою, проявивъ максимумъ политическаго напряженія. Сила національной идеи превозмогла распадъ матеріи. И укрѣпившійся новый порядокъ обросъ постепенно соотвѣтствующими матеріальными связями. Но пока онъ еще ими не обросъ, государственная власть могла держаться лишь мѣрами принужденія, вопреки массовому недовольству. Эти мѣры принужденія окружали ее ненавистью, и сама она, примѣняя ихъ, впадала въ уродливыя крайности. У насъ, въ общемъ, повторяется тотъ же процессъ.

Революціонная власть, конечно, обречена, ибо состояніе революціи неизбѣжно временно, но важно, чтобы переходъ отъ революціи къ нормальному государственному бытію совершился въ рамкахъ государственности и не привелъ къ распаденію страны. Во Франціи возрожденіе шло именно такимъ путемъ. Угрожавшая, какъ нынѣ у насъ, анархія была задавлена въ корнѣ и пребывала въ „подмороженномъ состояніи" до тѣхъ поръ, пока общее улучшеніе хозяйственной жизни страны не ликвидировало ее уже окончательно и органически.

Все дѣло въ томъ—удастся ли центральной власти политическими успѣхами парировать экономическое разложеніе и „продержаться" до начала матеріальнаго оздоровленія, слѣдующаго за политическими успѣхами. Между прочимъ, эту проблему очень четко отмѣтилъ Ленинъ въ одномъ изъ своихъ недавнихъ интервью.

Еще рано опускать руки. Многое будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. Столь же ошибочно заранѣе покоряться угрожающей погромной волнѣ, сколь преступно ее провоцировать. Ее нужно предотвратить, съ нею нужно бороться, пока есть надежда на побѣду; бороться—во имя русской культуры, во имя русскаго народа, и прежде всего **во имя Великой Росси**.

Смущенныя сердца.*)

Да не смущается сердце ваше.
Іоаннъ, гл. XIV, ст. 1.

I.

Чѣмъ опредѣленнѣе выясняется идеологія южно-русскаго движенія ген. Врангеля, тѣмъ отчетливѣе становится страшная истина:

— Это не что иное, какъ движеніе великаго отчаянія и потрясающаго невѣрія. **Его вожди потеряли вѣру въ Великую Россію.**

Помню, когда въ прошломъ году союзники намекали Омску и Екатеринодару на необходимость декларировать окончательное признаніе Эстоніи, Латвіи и прочихъ вырѣзанныхъ изъ живого тѣла Россіи кусковъ,—съ какою твердостью были парированы эти намеки!

Тогда живъ былъ лозунгъ русскаго величія, и съ нимъ обращались, какъ съ дѣйствительной святыней, завѣщанной и врученной намъ вѣками. И какъ ярко, какъ цѣлостно вылилось это національное міросозерцаніе въ горькихъ словахъ адм. Колчака о золотомъ запасѣ, уже въ послѣдніе, роковые дни:

— Если наше золото будутъ требовать союзники, имъ я его не отдамъ... Пусть лучше достается большевикамъ...

Всѣ мы помнимъ также, какъ исключительно щепетиленъ былъ въ этого рода вопросахъ генералъ Деникинъ. Его достойное отношеніе къ Петлюрѣ, румынамъ, его рѣшительный отказъ признать отторженіе Кавказа...

При всѣхъ своихъ безконечныхъ недостаткахъ, при всей роковой уродливости своего быта, это было движеніе, вѣрное

*) „Новости Жизни" 12 октября 1920 года.

Великой Россіи, впитавшее ея дыханіе всѣми фибрами своей идеологіи. Будучи окраиннымъ, оно ни минуты не было локальнымъ, провинціальнымъ.

„Оттого оно и не удалось“. Можетъ быть. Возможно (хотя, признаться, и весьма маловѣроятно), что цѣною забвенія всероссійскихъ задачъ оно ухитрилось бы кончиться удачнѣе. Отказавшись отъ идеи единства и цѣльности государства, оно, быть можетъ, обезпечило бы себѣ поддержку кое-кого изъ ненавистниковъ или завистниковъ Россіи, а также предохранило бы себя на время отъ внутренняго недуга, обусловленнаго необходимостью воевать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно бы отказалось отъ самого себя, отъ собственной природы. Оно не захотѣло этого, предпочитая гибель предательству своей идеи.

И въ этомъ своемъ рѣшеніи оно не погрѣшало нисколько и противъ требованій реальной политики. Ибо реальной цѣлью его стремленій не могла быть Россія раздробленная и обезсиленная, Россія „безхвостая“, какъ конь въ памятникѣ Паоло Трубецкого. Отреченіе отъ **идеи** всероссійскаго государственнаго могущества, въ силу создавшихся международныхъ условій („международныя гарантіи“), было бы тѣмъ самымъ и отреченіемъ отъ его **факта**. Красному имперіализму большевиковъ русскіе патріоты, вѣрные себѣ, съ открытымъ забраломъ противопоставляли традиціонный лозунгъ „великой и единой Россіи“. Они не могли и не хотѣли иначе. Во имя спасенія своей политической жизни они не хотѣли жертвовать ея смысломъ.

И „прежній Устряловъ“, „теоретическій столпъ омскаго разбоя“ (какъ его называли слѣва), вглядываясь въ политическую обстановку, имѣлъ полное основаніе съ радостью констатировать ровно годъ тому назадъ:

— Расколотая внутренней гражданской войною, Россія едина въ одномъ: — въ державной широтѣ своихъ стремленій, въ своей напряженной волѣ къ жизни и къ власти... Удѣльно-вѣчевой періодъ русской революціи кончился („Русское Дѣло“ 10 и 18 октября).

2.

Прошелъ годъ. Какая разительная и трагическая перемѣна! Воистину, настали сумерки русскаго національзма. Не выдержали испытаній „нервы“ патріотовъ, и ради борьбы съ большевистскою диктатурой они отреклись, отказались отъ Великой Россіи! Опустошили они свою душу. Смутились серд-

ца ихъ, удрученныя страданіями ближнихъ и своими собственными..

Окончательно выясняется, что вновь народившееся бѣлое движеніе идетъ подъ лозунгами, діаметрально противоположными прошлогоднимъ. „Областничество“, „самостійность“, „федерализмъ“, „плебисциты“ и даже, увы, — территоріальныя уступки иностранцамъ за вмѣшательство въ нашу гражданскую войну.. *)

Это — „реальная политика“? Нѣтъ, это скорѣе, — судорога отчаянія, подмѣняющая самую цѣль политическихъ стремленій. Это — плоды сердечной пустоты, смѣнившей былое воодушевленіе, „линяніе“ національной души, въ мукахъ теряющей чувство жизни и вѣру въ себя, „роняющей перья и влекущейся внизъ“, какъ говорилъ въ „Федрѣ“ старый Платонъ..

Жутко. Жутко, что гаснетъ огонь большой государственности, римскій „Алтарь Побѣды“, вытѣсняемый лампадками мелкимъ „домашнимъ богамъ“, „пенатамъ и ларамъ“, „семейному уюту“, патріотизму колокольни: — „мы вятскіе“, „мы донскіе“, „мы сибирскіе“, „а мы свободный Кавказъ“ и т. д. А Россіи нѣтъ. **Нѣтъ Единой России** — понимаете вы ужасъ врангелевской политики?!.. И въ томъ, что ея нѣтъ, выдаются „реальныя гарантіи“ союзникамъ.

Не будемъ вдаваться въ оцѣнку врангелевскаго діагноза. Не будемъ возвращаться къ старой одіозной темѣ — рентещетъ ли сейчасъ хоть гдѣ нибудь русское великодержавіе (довольно уже объ этомъ говорилось). Отмѣтимъ лишь, зафиксируемъ самый діагнозъ.

А онъ вѣдь именно таковъ. Самъ врачъ это призналъ, и фельдшера его повторяютъ. „Не до жиру, — быть бы живу“. Пусть вызволяютъ хоть румыны, хоть поляки, хоть финны, „хоть самъ чортъ“, — хоть за Бессарабію, хоть за „Великую Польшу“, за что угодно. Пусть каждая окраина довлѣетъ себѣ (или сосѣдямъ). Пусть каждая деревня стоитъ за себя. Забудемъ „мистическіе кремлевскіе сны“, уйдемъ въ свои хаты..

Да не подумаютъ, что я хочу упрекнуть наше нынѣшнее бѣлое движеніе въ умышленно „безчестной“ или преступно легкомысленной раздачѣ русскихъ земель, въ какихъ-либо корыстныхъ мотивахъ „классоваго“ или иного порядка. Вуль-

*) Французское радіо недавно сообщило, что правительство ген. Врангеля офиціально признало права Румыніи на Бессарабію, взамѣнъ чего румынскія войска будутъ двинуты противъ большевиковъ.

гарные аргументы „отъ экономическаго матеріализма“ мнѣ и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, органически чужды:—не матерія, а духъ въ конечномъ счетѣ правитъ исторіей. И я не сомнѣваюсь, конечно, что съ великою душевною болью творятъ свою новую политику наши противобольшевистскіе вожди, мучительно сознавая всю неизбывную тяжесть лежащей на нихъ исторической отвѣтственности.

Источникъ ихъ новаго курса — въ разочарованіи, въ потерѣ вѣры. Потерпѣвъ крушеніе, они рѣшили, что рухнула самая идеологія „единой и недѣлимой“... Ну, если не навсегда, то надолго,—по крайней мѣрѣ, „на десятилѣтія“. И они уже считаются съ этимъ, какъ съ грустнымъ фактомъ, они уже духовно согласились съ нимъ. Ихъ разочарованіе несравненно глубже и страшнѣе, нежели тѣхъ, кто осуществленіе старой, безконечно дорогой идеи готовы искать хотя бы въ красномъ имперіализмѣ, богатомъ изъянами, но попрежнему неизмѣнномъ „въ державной широтѣ своихъ стремленій, въ своей напряженной волѣ къ жизни и къ власти“.

Не знаю, можетъ быть, Врангель окажется правъ, и Великая Россія есть нынѣ уже überwundene Standpunkt, „превзойденная ступень“, топтаться на которой безплодно и старомодно. Но разрѣшите уже ея приверженцамъ все-таки остаться на ней до конца. Утратить мужество—все потерять. Ближайшее будущее покажетъ, кто правильнѣе оцѣниваетъ положеніе. Но приходится признать, что самый фактъ отпаденія русскихъ патріотовъ въ ересь провинціализма есть, несомнѣнно, крупный отрицательный факторъ въ процессѣ борьбы за государственное величіе и единство страны. Не будь его, перспективы были бы неизмѣримо свѣтлѣе. Тщетно скрывать, что теперь онѣ достаточно омрачились.

Да, дыханіемъ глубокой душевной опустошенности вѣетъ съ далекаго юга. И привычныя бодрыя слова не заглушаютъ сердечной тоски.

„...Душа озябла... Страшно, когда наступаетъ ознобъ души...“ (Розановъ).

Приложеніе.

Адмиралъ Колчакъ.*)

Маленькій харбинскій соборъ. Тѣсно, молящихся много. Кругомъ знакомыя омскія лица, — случайные листья облетѣвшаго, осыпавшагося дерева... Торжественные напѣвы панихиды. Ладанъ, свѣчи...

— Объ упокоеніи души раба Божія новопреставленнаго воина Александра...

Эпилогъ. Грустное завершеніе цѣлаго періода исторіи русской революціи, какая-то новая грань, какой-то новый предѣлъ...

Душа полна воспоминаніями, впечатлѣніями такого еще недавняго и такого уже далекаго прошлаго: — весна, лѣто, осень...

18 апрѣля прошлаго года. Страстная недѣля, великая пятница. Омскій большой соборъ, торжественная служба въ присутствіи Верховнаго Правителя. Въ первый разъ вижу его близко, близко. Недавно еще пріѣхалъ изъ освобожденной Перми, полный надеждъ и вѣры въ національное воскресеніе, и такъ естественно, что хочется ближе, лучше всмотрѣться въ него, человѣка, какъ бы воплощающаго собою эту вѣру...

„Интересныя черты — записываю впечатлѣнія у себя въ дневникѣ. — Худой, сухой какой-то, быстрые, черные глаза, черныя брови, обликъ энергичный, рѣзкій, выразительный... Если вдаться въ фантазію, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этомъ лицѣ нѣкая печать рока, обреченности".

Да, да — именно что-то роковое было въ его фигурѣ, во всемъ стилѣ его облика. Это чувствовалось даже и тогда, когда его арміи подходили къ Самарѣ и Казани, его министры готовились къ управленію во всероссійскомъ масштабѣ, „демократія" величала его „русскимъ Вашингтономъ"; а генералъ Жаненъ почтительно приносилъ ему поздравленія и привѣты отъ вѣрныхъ союзниковъ...

Другой моментъ, слѣдующій этапъ.

20 іюля прошлаго года. Геній побѣды отлетѣлъ отъ насъ, мы отступаемъ, отданы Уфа, Пермь, Екатеринбургъ... Вмѣстѣ

*) „Вѣстникъ Маньчжуріи" 7 марта 1920 года. Не могу не дополнить свои послѣомскія политическія размышленія воспоминаніемъ о трагической душѣ Омска, навсегда отлетѣвшей отъ насъ.

съ делегаціей омскаго „общественнаго блока“ сижу противъ адмирала въ большой столовой домика у Иртыша. Идетъ оживленная, нѣсколько взволнованная бесѣда на больныя темы дня—о развалѣ на фронтѣ и въ тылу, о порокахъ управленія, о безобразіяхъ мѣстныхъ властей, объ изъянахъ снабженія армій, наконецъ, о союзникахъ..

Адмиралъ волнуется, говоритъ быстро, жестикулируетъ. Затрагивается модный тогда вопросъ о Японіи, отмѣчаетъ наивность тѣхъ, кто думаетъ, что стоитъ лишь ее „попросить“, и она немедленно же пришлетъ дивизіи. Говоритъ о союзникахъ вообще:

— Мое мнѣніе,—они не заинтересованы въ созданіи сильной Россіи... Она имъ не нужна.

И тотчасъ добавляетъ:

— Повторяю, таково мое мнѣніе. Но вѣдь приходится руководствоваться не чувствами, а интересомъ государства. Разумѣется, политика въ смыслѣ попытокъ привлеченія помощи союзниковъ будетъ продолжаться.

Подробно останавливается на вопросѣ объ администраціи:

— Скажу вамъ откровенно, я прямо поражаюсь отсутствію у насъ порядочныхъ людей. То же самое у Деникина - я недавно получилъ отъ него письмо... То же и у большевиковъ. Это - общее явленіе русское: нѣтъ людей. Худшіе враги правительства - его собственные агенты. У большевиковъ на это есть чрезвычайка. Но не можемъ же мы имъ подражать —мы идемъ подъ флагомъ закона, права .. Я фактически могу разстрѣлять виновнаго агента власти, но я отдаю его подъ судъ, и дѣло затягивается. Пусть общество поможетъ. Дайте дайте мнѣ людей!..

Бесѣдовали долго, и общій стиль его характера, его интеллектуальнаго и моральнаго облика отчетливо запечатлѣвался въ душѣ. Пусть это лишь „первое впечатлѣніе“, но часто, вѣдь именно оно наиболѣе цѣнко и ярко схватываетъ главное, основное ..

Вечеромъ того же дня я записывалъ у себя въ дневникѣ: „Диктаторъ... Всматривался въ него, вслушивался въ каждое слово, - вѣдь „живая исторія“... Трезвый, нервный умъ, чуткій, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствіе всякой позы, фразы, аффектированности искусственной или показной. Думается, нѣтъ въ немъ тѣхъ отрицательныхъ для человѣка обыкновеннаго, но простительныхъ и даже нужныхъ для „диктатора“ свойствъ, которыми былъ богатъ На-

полеонъ. Видимо, лозунгъ „цѣль оправдываетъ средства“ ему слишкомъ чуждъ, органически непріемлемъ, хотя умомъ, быть-можетъ, онъ и сознаетъ все его значеніе. Въ этомъ отношеніи другой герой нашего времени, вождь красной Россіи Ленинъ является ему живымъ и разительнымъ контрастомъ.

Онъ говоритъ о своемъ безсиліи, онъ излагаетъ свои сомнѣнія, колеблется, словно обращается за совѣтами. Что это? Излишняя искренность „абсолютно честнаго“ человѣка? Недостаточная напряженность воли?.. Ни того, ни другого свойства не было у Наполеона, нѣтъ у Ленина. Дай Богъ, чтобы оба эти свойства не помѣшали ихъ обладателю стать „историческимъ человѣкомъ“. Можетъ быть, я ошибаюсь, но не скрою, —не историческимъ величіемъ, а лишь дыханіемъ исключительной нравственной чистоты вѣяло отъ словъ верховнаго правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникамъ. Историческихъ людей создаютъ не только ихъ собственные характеры, но и окружающія обстоятельства. Но боюсь—слишкомъ „честенъ“, слишкомъ „хрупокъ“, слишкомъ „русскій интеллигентъ“ адмиралъ Колчакъ для „героя исторіи“...

И, помнится, всплывало въ памяти суровое изреченіе Макіавелли: — „Государь, сохраняющій свою власть, долженъ умѣть не быть добродѣтельнымъ“...

Затѣмъ осенью когда уже грозныя, катастрофическія формы принимала опасность, довелось мнѣ слышать искреннія, какъ всегда, взволнованныя слова адмирала, говорившаго бѣженцамъ, организующимъ дружины св. креста:

— Войска бѣгутъ, войска не хотятъ сражаться, я объявляю призывы, они не удаются,—само населеніе виновато въ нашихъ неудачахъ. Большевики побѣждаютъ не потому, что они сильны, а потому что мы слабы...

Онъ обличалъ, онъ возмущался, онъ дышалъ нравственнымъ негодованіемъ —и опять въ немъ виденъ былъ не „диктаторъ“, а измученный, усталый человѣкъ, „рабъ Божій воинъ Александръ“, страдающій въ жгучей патріотической тревогѣ и страданіе свое выставляющій на „всенародныя очи“..

И наружность его становилась еще выразительнѣе, аскетичнѣе, печать рока горѣла на ней все ярче и ярче. Онъ искалъ выхода и не находилъ его, лихорадочно метался отъ Омска къ фронту, мечтая на фронтѣ обрѣсти спокойствіе и увѣренность въ успѣхѣ,—но словно ироніей злой судьбы его посѣщенія и смотры, казалось, лишь приносили несчастія...

Въ послѣдніе дни передъ паденіемъ Омска онъ выбросилъ героическій лозунгъ „защиты столицы во что бы то ни стало“, смѣнилъ главнокомандующаго.. Увы, — это лишь ухудшило положеніе..

А потомъ—какая-то сплошная Голгофа.. Этотъ кошмарный поѣздъ „Буки“, затерянный на великомъ сибирскомъ пути, это утонченное издѣвательство иностранцевъ, пожаръ повсемѣстныхъ возстаній, одиночество.. Приговоръ исторіи на берегахъ Ангары, паденіе Иркутска,—грустная страница дописана.

„Трагическая личность“, „роковой человѣкъ“—это опредѣленіе такъ часто приходилось слышать отъ лицъ, окружавшихъ и близко знавшихъ его...

И конецъ его, поистинѣ, овѣянъ какимъ-то исключительнымъ, мрачнымъ и сложнымъ трагизмомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ даже драматическія очертанія послѣднихъ минутъ другихъ героевъ несчастной русской Вандеи — Каледина, Корнилова...

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Статьи настоящаго сборника, за исключеніемъ сентябрьскихъ и октябрьскихъ, появлялись въ печати въ періодъ болѣе или менѣе обозначившагося торжества совѣтской власти надъ ея соперниками и глубокаго безсилія всѣхъ антибольшевистскихъ русскихъ армій и группъ.

Выйти же въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ имъ суждено уже въ моментъ польскаго успѣха и новаго военнаго натиска на совѣтскую Россію со стороны окрѣпшей, благодаря союзной помощи, южной арміи ген. Врангеля. Естественно поэтому, что нѣкоторые аргументы означенныхъ статей уже утрачиваютъ характеръ политической злободневности, оставаясь, однако, въ своей основной тенденціи нисколько не поколебленными.

Парижская колонія русскихъ націоналистовъ, дающая тонъ политикѣ нашихъ патріотическихъ круговъ за границей, несмотря на омско-екатеринодарскій опытъ, не вступила на путь Брусилова, Гредескула и др., а остановилась на лозунгѣ „борьбы съ большевизмомъ во что бы то ни стало“,—хотя бы цѣною расчлененія Россіи и тяжкихъ уступокъ иностранцамъ. Послѣ долгихъ усилій ей удалось добиться новаго обостренія нашей гражданской междоусобицы, уже окончательно догоравшей, и тѣмъ самымъ оказать несомнѣнное вліяніе на исходъ русско-польской войны.

По своему крайнему разумѣнію, я считаю эту тактику огромной, если не роковою, ошибкой какъ въ области внутренней, такъ и сферѣ внѣшней политики патріотическихъ элементовъ страны. Оно рѣшительно ненужно Россіи, это новое военное движеніе,—чѣмъ бы оно нынѣ ни завершилось.

Если его постигнетъ участь Колчака и Деникина съ ихъ „союзными поддержками“ (Архангельскъ и Одесса)—его великій разрушающій вредъ обнаружится самъ собою и силою вещей. Но если даже, въ единеніи съ голодомъ, иностранщиной и „зеленой“ волною, ему и удалось бы, наконецъ, побѣдить большевизмъ—есть слиш-

комъ много основаній утверждать, что цѣна и жертвы такой побѣды окажутся столь печальными и губительными для страны, что путь преодолѣнія революціоннаго распада, рекомендуемый настоящимъ сборникомъ остается несравненно болѣе плодотворнымъ, экономнымъ и національно цѣлесообразнымъ.

Авторъ.

Харбинъ, 26 октября 1920 года.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	9 снизу	увяданіе сѣверной и неудача	увяданія сѣверной и неудачъ
8	11 сверху	компроментировали	компрометировали
17	18 снизу	забывайе	забывайте
17	2 снизу	антибольшевисская	антибольшевистская
19	5 сверху	гераклитовки	гераклитовски
19	15 снизу	приципамъ	принципамъ
21	8 снизу	керещины	керенщины
21	7 снизу	прошедшнхъ	прошедшихъ
22	19 сверху	продолженіе	продолженія
27	12 сверху	Домовскаго	Дмовскаго
37	2 сверху	второстеннымъ	второстепеннымъ
42	2 снизу	обѣяхъ	обоихъ
46	9 снизу	умѣющимъ	умѣющихъ
66	8 сверху	душу"	„душу"
68	2 снизу	пооднимающейся	поднимающейся
70	1 снизу	*Росси*	*Россіи*

Кромѣ того, въ первомъ полулистѣ (1-8 стр.) выпало при печатаніи нѣсколько знаковъ препинанія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.